

Анхель де Куать Э



ПОЕДИНОК СО СМЕРТЬЮ

Сердце — это живая обитель Света.

Но если человек жив, а сердце его — мертво...

Вы никогда не задумывались над вопросом: что если бы Христос пришел на землю, но не стал бы творить чудес — оживлять мертвых, превращать воду в вино? Просто пришел бы и смотрел на нас Своими любящими, полными сострадания глазами? Поверили бы мы Ему? Услышали бы Его?..

Требовать доказательств от Бога — это все равно что требовать доказательств у любящего сердца. Главный герой новой пронзительной книги Анхеля де Куатьэ совершил оба этих греха...

Данила встречается с мертвым сердцем и должен совершить чудо или умереть. Но... Тайна четвертой Печати пролегла между Жизнью и Смертью.

Четыре Всадника дернулись к Свету!

Но о чем говорит Апокалипсис дальше?

Анхель де Куатьэ.

Тайна печатей. Четвертая печать.

«Поединок со смертью»

Анхель де Куатьэ

Вавилонская блудница

Что такое *слабость*? Неспособность противостоять искушению? Нежелание принять свою Судьбу? Страх? Пассивность? Безразличие? Что?.. А что такое *сила воли* и *стремление к свободе*? Как связаны они друг с другом — слабость и сила? И может ли за силой воли скрываться слабость, а подлинная сила казаться слабостью?

Найти ответы на эти вопросы не так-то просто...

Например, человек решил покончить жизнь самоубийством, что это — сила или слабость? Нет ответа. А вот человек, который по каким-то обстоятельствам поменял свои убеждения. Можем ли мы сказать, что он проявил слабость? Нет. А человек, отказавшийся от любви по религиозным убеждениям... Можем ли мы быть уверены, что он проявил силу? Тоже нет.

Так что же такое слабость? Есть ли критерий, позволяющий видеть ее... в себе?

Новая книга Анхеля де Куатьэ поражает своей откровенностью и силой чувства. Анхель рассказывает страшную, где-то даже жуткую историю, но внутри нее прячется подлинное чудо — сила светлой, бескорыстной, одаряющей любви. Это удивительная притча о человеке, где сила и слабость противостоят друг Другу, поменявшись одеждами.

Но для Анхеля это не просто история Павла и Олеси, это еще и личное испытание. «Писать нужно было не осамих Всадниках, а о том, что происходило с нами», — сказал он во время встречи со мной, оценивая первые три книги о Печатах. И в четвертой книге он сделал то, что почувствовал важным...

Когда тебя вызывают на дуэль, можно явиться на поединок и убить соперника — или быть убитым. Есть и другой вариант — прийти, встать к барьеру и выстрелить в воздух. Но есть ли третий путь? Да. Встать на защиту того, кто целится в твое сердце. Странно ли, что Данила выбрал именно этот, третий вариант?..

* * *

«Поединок со смертью» — новая, как всегда абсолютно не похожая на другие книги Анхеля де Куатьэ история. Она удивляет и завораживает — смыслом, легким, почти магическим слогом и формой. Каждая из книг Анхеля де Куатьэ о Скрижалях Завета написана в своем жанре. А теперь в книгах о Тайнах Печатей всякий раз возникает своя, особенная «точка сборки». Это поистине потрясающе!

Во «Всадниках Тьмы» в течение всей книги мы словно бы находимся внутри головы главного героя. Мы следим за его мыслями, думаем вместе с ним, видим окружающий *мир его глазами*. «Вавилонская блудница» — прямая противоположность. Главная героиня постоянно находится на авансцене повествования, но мы не знаем ни ее мыслей, ни ее чувств. Мы видим лишь *ее отражения* — то, как ее воспринимают другие люди. «Иди и смотри» — это третья точка сборки. Мы слышим *внутренний монолог* женщины, монолог ее чувств. Мы ощущаем каждое движение ее души, словно бы примеряем на себя ее раздвоенность, опустошенность, ее отчаянное стремление к свободе.

Что ожидает нас в «Поединке со смертью»? Исповедь. Мы услышим рассказ человека о *самом себе*. И это другая, уже четвертая по счету, «точка сборки». Одно дело — следить за ходом мысли, другое — смотреть со стороны, третье — стать чувством и ощущением, и четвертое — исповедоваться и исповедовать. Тяжелый и святой труд...

Предисловие

Полтора года назад произошли события, которые изменили всю мою жизнь, — я вернулся в Россию, встретил Данилу и прикоснулся к *знанию*. Игра слов или ирония судьбы? Дед учил меня, что подлинная реальность заключена в сновидениях. А Данила объяснил мне, что значит священный призыв — «Бодрствуй!»

Жить каждым днем, словно этот день в твоей жизни — последний. Жить так, будто бы каждый человек на твоём пути — единственный, а каждый твой поступок — главный. И не важно — что реально, а что нет, важно то, что ты делаешь сейчас. Вот что я понял, «подглядывая» за Данилой.

Мы искали Скрижали, а теперь ищем Печати. Но если честно, это ведь только для меня — *поиски*. А Данила — он просто помогает людям, тем, кто в беде, тем, кто в нем нуждается.

Это *загадка контекста*. Мы с Данилой делаем одно и то же дело, но это и два разных дела. Представьте красное пятно, нарисованное на желтом фоне, а теперь то же красное пятно, но на темно-синем. Видите? Это два разных «красных» пятна. И в этом тайна — *фон, контекст меняет смысл вещи*.

В книге «Возьми с собой плеть» я уже рассказывал о «точке сборки». Мир вокруг нас — это то, как мы его видим, это проекция нашей личной «точки сборки». Но одно и то же явление выглядит по-разному еще и в зависимости от контекста.

Вот вы сравниваете сон с реальностью, а вот — реальность со сном. У вас получается два разных результата. А вот вы ищете Скрижали, которые спрятаны в людях, а вот вы ищете людей, в которых скрыты Скрижали. При внешней схожести — это не одно и то же.

Мудрый человек отличается от умного не тем, что больше прожил и больше знает. Нет. Просто мудрец видит вещи в их истинном свете. Он понимает, на каком фоне нужно «рассматривать» эту вещь, чтобы она проявила свой истинный «цвет».

Но как узнать, какой «фон», какой «контекст» правильный? Как увидеть красный свет *красным*? Как увидеть истину, если ее подлинность искажают и наша личная, субъективная «точка сборки», и «контекст» — «фон», на котором мы ее рассматриваем?

Мы говорили как раз об этом. Сидели в Центре Гаптена перед большим экраном и говорили, говорили. И даже не догадывались, что всего через несколько минут сама жизнь заставит нас искать ответ на этот вопрос.

* * *

— Гаптен, а почему ваша Академия действует скрытно? — спросил Данила. — У вас ведь столько информации, столько знаний. Это бы помогло многим людям — им надо только рассказать. Почему вы прячетесь?

— Трудно ответить на твой вопрос. Правила Академии возникли еще до моего появления на свет, — улыбнулся Гаптен. — Но я думаю, что это вполне естественно, — любое истинное знание всегда считалось сакральным.

— Это тоже странно, — пожал плечами Данила. — Если не делиться с другими людьми знаниями, зачем вообще нужны эти знания? Чтобы знайки управляли незнайками? Но вы ведь и не хотите никем управлять... Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — согласился Гаптен.

— Ну, и почему тогда? — развел руками Данила.

— Я думаю, тут логика — как с оружием, — предположил Андрей. — Кому угодно его не

доверяют. Потенциальных преступников среди людей немного, но если выдать всем оружие, то сразу покажется, что кругом одни преступники.

— А какой вред может быть от *знания*? — рассмеялся Данила.

— Мне кажется, что Андрей прав, — сказал я. — Ведь нельзя же стать шаманом, если ты не прошел предварительной подготовки и посвящения. Шаман обладает огромной силой. И поверь мне, Данила, не все равно, как он ею воспользуется.

— Господи, Анхель! — не унимался Данила. — Про шамана я, так и быть, согласен. Но от Скрижалей-то, например, какой может быть вред?!

Я задумался.

— Конечно, может быть! — воскликнул вдруг Гаптен.

— Какой?! — не поверил Данила.

— А вот какой! — Гаптен выглядел как человек, который только что понял что-то очень важное. — Дискредитация!

— Дис-кре-ди-тация? — недоверчиво по слогам повторил за ним Данила.

— Правда, Данила! Правда... — Гаптен стал инстинктивно оправдываться, словно сказал что-то ужасное и непристойное. — Представь себе скептически настроенного человека, который прочтет «Схимника» или «Всю жизнь ты ждала», представь себя самого, но двухлетней давности. Вот ты берешь в руки такую книгу и читаешь. Что ты подумаешь о ее содержании, о Скрижалях?

— Да, в этом ты прав, конечно, — сказал Данила, и в голосе его зазвучали печальные нотки.

— Кто-то, я уверен, решит, что это сказка, — продолжил Гаптен. — Кто-то подумает, что слишком «легко» написано, чтобы быть «истинным». А кто-то и вовсе начнет дискутировать со Скрижалями — мол, не надо избавляться от «Я», и страдание не иллюзия, а эмоция. Ну и так далее. Может быть такое?

— Может, — согласился Данила.

— А еще, вероятно, кто-то решит, что Скрижали — это чудодейственные заклинания, — добавил Андрей. — Что прочтешь их, и все в твоей жизни сразу наладится. Но ведь это не так. Жизнь налаживается не от прочтения книг, а от внутренней работы. Книги — только стимул, проводник. Если же человек уверен, что должно быть чудо, а чуда не происходит, он разочаровывается. А если так, то Скрижали для него будут потеряны. Навсегда. Он больше к ним не вернется. Даже наоборот. Вот тебе и дискредитация... Данила тревожно посмотрел на меня, на Гаптена и повернулся к Андрею всем корпусом.

— Так что же это получается?.. — прошептал он. — *И книги писать нельзя?* Мы дискредитируем Скрижали?..

Воцарилась гробовая тишина. Мы молча, не стовариваясь, устали на экран, расположенный на стене прямо перед нашим столом. Каждую секунду одна картинка сменяет другую. Мы видим самых разных людей, самых разных. Мы наблюдаем за их жизнью. Система Гаптена производит сканирование реальности на всем пространстве земного шара и в режиме реального времени выводит на экран зоны сгущения отрицательных энергий.

Картинка в очередной — может быть, в тысячный раз за сегодняшний день — замерла. Мы увидели небольшую комнатку — бедную, обшарпанную.

* * *

— Ну что? — раздалось из динамиков. — *Уже подглядываете за мной?*

Мы оторопели. Молодой мужчина внимательно смотрел на нас с экрана монитора.

— *Подглядываετε?* — повторил он. — *Ладно. Не хотите* — не отвечайте. *Интересно, а какой я у вас по счету? Третья Печать? Или четвертая? Первую и вторую я читал. Но мне кажется, что я все-таки — четвертый...*

У меня перехватило дыхание. Я испуганно оглянулся — что это?! Что происходит?! Кто-то может мне объяснить? Но по лицам моих друзей я понял — они тоже в полном замешательстве. Еще ни один человек, находившийся у Гаптена «под колпаком», не разговаривал с нами так — с экрана, — зная, что мы его видим. И главное — никто не заявлял с такой уверенностью, что Печать в нем! Шок.

— *Впрочем, нет* , — мужчина задумался, повернул голову в сторону и провел рукой по подбородку. — *Согласно вашей теории, во мне еще нет Печати. Ведь так? Я правильно понимаю ?* — и он снова уставился нам глаза в глаза. — *Она во мне еще только воплотится? Чуть позже... Да? Хотите, скажу, о чем она?*

Андрей нервно кашлянул.

— *Первая Печать о власти* , — как ни в чем не бывало продолжал мужчина. — *Вторая — об эгоизме. Третью я еще не читал, но бьюсь об заклад, что она о зависти. Так? Угадал? Ну, может, не о зависти, а о том, что человек сам себе не принадлежит, то есть не своей жизнью живет. Так? Уверен, что так.*

Перьевая ручка Гаптена вывалилась из окоченевших рук хозяина, покатила по столу и, достигнув края, звучно упала на пол — дзынь! Я почувствовал, как мурашки пробежали у меня по ногам.

— *А четвертая — та, что во мне или будет во мне* , — она о...

Незнакомец замолчал. Он смотрел на нас своими огромными мертвыми глазами и улыбался.

Данила заложил руки за голову, потянулся и резким движением откинулся на спинку кресла. Словно приготовился грудью принять удар.

— *О воле...*

* * *

По ту и по эту сторону экрана воцарилась гробовая тишина.

— «О воле» — это в смысле о безграничной свободе? — прошептал я, судорожно припоминая, что значит это трудное для иностранца русское слово.

— Думаю, «о воле» — это в смысле о воле. О силе воли, — тихо, сдавленным голосом отозвался Данила.

— Но... — только и успел протянуть Андрей.

— *А в каком смысле — «о воле», это вам предстоит угадать. Шопенгауэра читали? Безграничная воля, великая, космическая. Рок и свобода в одном. Фатальная воля — предельная, беспринципная, неподотчетная никому! Неплохая задачка, да?*

— Черт побери! — еле слышно выругался побледневший Гаптен и закрыл лицо руками. — А я-то думал, что с четвертым Всадником будет легче.

— *Вы, наверное, сейчас в шоке !* — рассмеялся незнакомец. — *Сидите себе в своем бункере, а с вами четвертый Всадник по телевизору разговаривает. Неловко? Неприятно? Догадываюсь...*

— Как он может знать, что мы его видим? — спросил Андрей, повернувшись к Гаптену.

— Не понимаю. Ничего не понимаю, — растерянно прошептал Гаптен. — Не может быть. Чертовщина какая-то...

— *Это неприятно, когда ничего не понимаешь* , — незнакомец презрительно пожал

плечами.

— Нет, он определенно нас слышит... — сказал я.

— *Растерянность — худшее из чувств*, — продолжал мужчина. — *Если бы это состояние могло длиться долго, оно бы заняло первую строчку среди причин смерти. От растерянности бы дошли в первую очередь. Счастье людей в том, что они научились быстро находить для себя лазейки мнимой определенности. У человека необыкновенно изворотливый ум! Окажется в заднице — и вроде бы все, деваться некуда... Ан нет, напряжется, от страха-то, все сам себе разобъяснит и доволен. Ведь главное что? Объяснение найти. Когда тебе «все понятно», можно и не волноваться. По факту, конечно, он как был в этой заднице, так в ней и остался, потому что объяснения ничего не меняют, но зато тебе теперь в ней тепло и уютно. Разум человеческий — гроссмейстер таких лазеек. Разум в руках людей — самый большой трус и самый большой обманщик...*

— А может быть, и не слышит, — сказал Андрей и обвел нас взглядом. — Просто умный, И агрессивный...

— Злой, — тихо поправил его Данила.

— Но к чему он ведет? — пожал плечами Гаптен. — Он ведь все это с какой-то целью говорит.

— *Вы спасаете души*, — раздраженно, с какой-то странной иронией сказал незнакомец и зло рассмеялся. — *А вы никогда не задумывались о том — какие это души? Не задумывались?.. Кто вас читает? Кто ждет ваших книг? Кто восхищается вашими «поисками»? А я вам скажу, что это за души. Инфантильные, наивные, глупые, как у пятилетних детей, души. Вам бы разум спасти от таких душ, но нет — вы спасаете души. «Вера», «любовь», «чувства» — если бы вы знали, как я ненавижу эти слова! Ненавижу!*

Мне стало не по себе. Мне стало жутко от этих слов. Страшных, холодных, злых слов.

— *Бог не любит людей. Это неправда и еще одна глупость в бесконечном числе прочих человеческих глупостей. Он запретил им вкушать от Древа Познания. Они нравились ему бессмысленными, неразумными, послушными зверюшками. Эдакими «овощами», которые только и могут, что тупо улыбаться и таращиться на своего Бога. Бог не хочет ни нашей свободы, ни нашей разумности. Он хочет видеть нас покорными, «рабами божьими». Не хочет и не видит, потому что люди именно такие — трепещущие пред всемогуществом и силой рока, лишенные благородства, низкие, тщедушные существа. Он хочет нашего послушания и имеет его, потому что у труса нет воли, нет свободы, нет...*

Человек по ту сторону экрана вдруг замолчал. До этой секунды он говорил, нагнетая пафос и силу своей речи. Говорил так, словно перед ним тысячи, сотни тысяч людей. Он обращался не к нам, а ко всему человечеству в нашем лице! Но вдруг запнулся.

* * *

— *Что-то я отвлекся*, — сказал вдруг человек, которого мы видели на экране. — *Так ведь можно и потерять ваше драгоценное внимание...* — с наигранным беспокойством пробормотал он, и его мертвые глаза блеснули. — *Вам станет скучно, и вы меня выключите. Нет, этого допустить нельзя. Перейду к делу. Да, не удивляйтесь, у меня ведь есть до вас дело... Впрочем, нет, вы меня не интересуете — ни этот ваш функционер астральных академий, ни горе-писатель из Мексики, ни умник с психологическим образованием. Меня интересуешь ты, Данила. Ты ведь уже понял это, да?*

Мы трое — я, Гаптен и Андрей — инстинктивно повернулись к Даниле. Он был бледен, сосредоточен, напряжен словно сжатая стальная пружина и не мигая смотрел на экран.

— Данила, я — это ты , — сказал незнакомец.

У меня помутилось сознание, и я чуть не упал со своего кресла. На мгновение мне показалось, что это действительно так. Что мой самый близкий друг — Данила, тот, кто роднее мне, чем брат по крови, и этот страшный, неприятный человек — там, на экране, — одно лицо. Я оцепенел.

— Да, Данила. Мы с тобой одно и то же лицо , — продолжало глядевшее на нас чудовище. — У нас с тобой все было одинаково. Одинаково бессмысленное детство, о котором даже не хочется вспоминать. Одинаково пустая юность, которая прошла как страшный сон, пролетела, закончилась, и ее не жалко. Одинаково никчемные родители. Все одинаково. И ты, и я — мы оба — были в армии. Ты, правда, в Чечне, а я просто в армии. Но иногда, чтобы попасть на войну, вовсе не обязательно находиться в районе боевых действий. Ты видел смерть, и я видел смерть. Ты убивал, и я убивал. Все одинаково. У нас с тобой была одинаковая жизнь, словно под копирку. Одинаковые мысли, надежды, друзья-собутельники, наркотики. Одинаковые женщины, которые ушли из наших жизней, а мы перекрестились. Все одинаково, Данила. Все. В одном разнища...

Человек на экране встал и подошел к окну. Там, на его улице, было темно, светились огни многоэтажек. Стоя к нам спиной, он весь превратился в силуэт на фоне этого мерцающего искусственными огнями мира.

— Тебе дали все, Данила, а мне не дали ничего , — медленно произнес незнакомец. — Все пропитано ложью. И я ненавижу тебя. Данила, и я ненавижу весь этот мир. Если бы я мог уничтожить его, я бы сделал это. Сделал не раздумывая. Но я не могу. И когда я понял, что бессилён, когда понял, что ничего нельзя изменить, что одним дается, а другим — нет, я решил позволить этому миру уничтожить себя. Да, я хочу, чтобы на его руках была моя кровь. Я хочу уличить его. Это моя воля, мое свидетельство. Я выступаю на стороне обвинения! Ты выступаешь на стороне защиты. Принимаешь вызов. Данила?! Да или нет?!

У меня перехватило дыхание. Я уже ничего не понимал, только слышал этот голос — страшный, словно загробный: «Я хочу, чтобы на его руках была моя кровь. Я хочу уличить его. Это моя воля, мое свидетельство. Я выступаю на стороне обвинения! Ты выступаешь на стороне защиты. Принимаешь вызов, Данила?!»

— И только ты один. Слышишь? Только ты один! — проскрежетал незнакомец, подходя к экрану.

Экран моргнул и пошел длинными, продольными серыми полосами.

— Ну, я поехал... — вставая, сказал Данила.

— Куда?! — еле вымолвил я. — К нему?..

— Нет, нельзя. Возможно, это не он. Не четвертый Всадник, — запротестовал Гаптен. — Мало ли...

— Я поехал, — коротко ответил Данила, потом секунду раздумывал, глядя на экран, и добавил: — Убьет себя. Убьет... Нельзя.

— Но о чем с ним говорить?.. — засуетился я, понимая, что сейчас более всего на свете не хочу отпускать Данилу на встречу с этим человеком. — Что он вообще имеет в виду? «Я — это ты. Ты — это я. Одно лицо»... Глупость какая-то!

Воцарилась гробовая тишина.

— Он имеет в виду, — тихо, отчетливо проговорил Андрей, — что к Даниле в жизнь пришло чудо, а к нему — нет. Хотя ему, — Андрей взглядом показал на экран, — кажется, что он того заслуживает. Вот и вся его воля ...

«И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди

и смотри.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными».

Откровение святого

Иоанна Богослова,

6:7,8

Пятнадцать столетий минуло с того дня, как Спаситель покинул землю. Мир погрузился во мрак. Мор, нищета, голод, болезни. Люди подавлены и угнетены. Вся их жизнь — бесконечное, лишённое смысла страдание.

«Боже! Боже! Уповаем на Тебя! Спаси и сохрани, Господи! Яви чудо!» — шепчут губы молящихся. Но и чудо теперь под запретом. А земля озарена кострами святой инквизиции.

Может ли Христос взирать спокойно на эти слезы, стоя по ту сторону мира? Может ли Он быть равнодушным к горю своих детей? Нет. Любовь не позволила Ему быть безучастным. И Он пришел, не дожидаясь объявленного срока.

Люди смотрят на Него, явившегося в человеческом облике, и не могут оторвать глаз, и не могут поверить своему счастью. Они стремятся и льнут к Нему, прикасаются к полам одежды Его и целуют землю, по которой идет Он.

Дети бросают перед Ним цветы и поют: «Осанна! Осанна!»

— Это Он! Это никто как Он! — кричат люди.

А Он проходит среди них молча, с тихой улыбкой бесконечного сострадания, и солнце любви горит в Его сердце. Он простирает руки — и больные излечиваются, и уродливые преобразуются, и несчастные обретают счастье.

— Это Он! Это никто как Он! — кричат и кричат люди.

Но вот Он видит траурную процессию на пороге храма. В белом маленьком гробике семилетняя девочка...

— Если это Ты, то воскреси дитя мое! — восклицает обезумевшая от горя мать и падает Ему в ноги.

— Он воскресит твое дитя! — кричат люди. — Воскресит из мертвых!

Христос обводит их взглядом.

— Встань, девица! — говорит он.

И малый ребенок, лежащий во гробе, открывает глаза. Садится и удивленно смотрит кругом: где я? что происходит? кто эти люди? Но, завидев мать, девочка улыбается и тянет к ней свои руки:

— Мама! Мама!

В народе смятение и крики. Многие, не в силах перенести увиденное, лишаются чувств. Рыдания и возгласы неопишемого восторга.

— Это Он! Это никто как Он!

И в эту же секунду мимо проходит высокий и худой, словно высохший кипарис, девяностолетний кардинал, Великий Инквизитор. Но на его теле не кардинальский наряд, а суровая монашеская ряса отшельника.

Он все видел. Видел, как ставили на землю гроб. Видел, как девочка ожила. Видел безумство счастливой матери. Но он не просиял, как те, что были вокруг. Нет, лицо его омрачилось. Он нахмурил седые брови, а взгляд его вспыхнул зловещим огнем.

— Взять Его! — командует старик своей страже и указывает на Христа пальцем.

Приученная к страху толпа расступается перед священной стражей. Люди встают на колени, склоняют головы и безропотно отдают Его в руки святой инквизиции. Гробовым молчанием толпа провожает Спасителя.

И уже через четверть часа Он и Великий Инквизитор оказываются в сырой темнице — один на один.

— Зачем Ты пришел? — спрашивает старик, стараясь не глядеть на своего Пленника. — Зачем Ты пришел мешать нам? Пятнадцать веков назад страшный и умный дух нашел Тебя в пустыне и говорил Тебе дать людям счастье, но Ты не дал.

Ты мог дать им хлеба бесчисленные, а дал свободу. Ты мог дать им чудеса великие, а дал им гордость и тяготы земные. Ты мог дать им бессмертие и жизнь счастливую, но Ты дал им веру. Что ж не был Ты милосерден к детям своим?!

Разве не знал Ты, что человек слаб?! Завтра же я осужу Тебя, и те, что сегодня бросали перед Тобою цветы, будут подгребать угли к Твоему костру. Неужели Ты не знал этого? Таковы те, кому Ты решил дать свободу...

Что ты смотришь на меня так кротко, не достаивая даже негодованием? Да, я рассказываю Тебе о Твоих людях. Я говорю Тебе о тех, что распяли Тебя тогда, и о тех, что распнут Тебя вновь. Зачем Ты пришел нам мешать?!

Спаситель слушает старика, но не отвечает.

— Молчишь, — тихо шепчет старик и смотрит на Пленника из-под насупленных бровей. — Тысячи, тысячи раз я раздумывал над этим.

Просыпался ночами и плакал, силясь понять. В Твоих руках было счастье, но Ты дал людям ношу.

Неужели же Ты приходил лишь к избранным и для избранных? Неужели не видел Ты, что человек слаб как ребенок и как ребенок завистлив? Что думает он лишь о себе и о своем благе? И что для счастья ему нужно чудо? Чудо, и только!

Многие ли способны следовать за Тобой? Многие ли будут поститься в пустыне, поедая саранчу и скорпионов, как делал Ты? Многие ли примут огонь Твоей Истины голыми руками? Нет. Тысяча за все века — святые и праведники — жалкая кучка. И все!

А как же остальные? Как *им* быть? О них Ты не думал вовсе. Да, человек — слаб, мелок и жалок. Вот истина о человеке. Но почему бы не дать ему счастья? Маленького, крохотного земного счастья. Но Ты не дал. Мог, а не дал!

Но Он молчал и лишь смотрел на старика.

— Что Ты глядишь на меня проникновенно своими кроткими глазами?! — кричал Инквизитор. — Рассердись, я не хочу любви Твоей, потому что сам не люблю Тебя. И что мне скрывать от Тебя? Разве я не знаю, с Кем я говорю?..

Тебе все известно. Я читаю это в Твоих глазах. Да, мы уже не с Тобой, а с *ним*, с тем премудрым духом, что искушал Тебя в пустыне! Мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили себя царями земными, царями едиными.

Ты проповедовал гордым, а мы пошли к смиренным. Ты говорил к тысячи, а мы осчастливим тысячи тысяч! Ты поставил подвиг Свой и ушел. А дети Твои здесь, и они — сироты. И нет у них Отца более — кто бы подсказал и утешил.

Но мы исправили ошибки Твои. Мы сказали им, что знаем Тайну Твою и что стоит поклониться нам, и будет каждому и наставление, и утешение. Мы даже грех сделали позволительным, но лишь с нашего разрешения.

Да, мы дали детям Твоим то, что Ты не дал. Да, мы обманываем их, но для их же блага. Да, мы кормим их — их же руками. Да, мы пугаем их — для их же счастья. И они будут счастливы и возблагодарят нас...

Так говорил Великий Инквизитор к Спасителю, но тот продолжал молчать. Он лишь глядел на старика печальными глазами.

— Ты все молчишь, — проскрежетал Великий Инквизитор и бросил на Пленника гневный

взгляд. — Ладно. Ты заговоришь в час Страшного Суда, когда придешь судить их. Но знай, что в эту минуту мы встанем и скажем Тебе: «Мы взяли грехи их на себя. Не суди их, но суди нас!»

Я не боюсь Тебя. Завтра же Ты увидишь, как это послушное стадо по мановению моему бросится подгрести горящие угли к Твоему костру, на котором сожгу Тебя за то, что пришел Ты мешать нам. Ибо если кто более всех и заслужил наш костер, так это Ты.

Завтра сожгу Тебя! Dixi.

Когда Инквизитор умолк, то некоторое время ждал, что Он ему ответит. Ему тяжело молчание Пленника. Он видел, как Тот все время слушал его проникновенно и тихо. Слушал и смотрел ему прямо в глаза, словно и не хотел возражать.

Старику же хотелось, чтобы Пленник сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он молчал, а потом вдруг приблизился к старику и тихо поцеловал его в бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ.

Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит:

— Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... не приходи никогда, никогда!

* * *

Андрей закончил рассказ.

— Это что, какая-то притча? — не понял я.

— Можно и так сказать, — ответил Андрей. — Это история, которую атеист Иван Карамазов рассказывает своему брату — юному послушнику Алеше.

— Федор Михайлович Достоевский, — пояснил Гаптен.

— Глава «Великий Инквизитор» — это просто часть романа о братьях Карамазовых, — задумчиво продолжал Андрей. — Но эта поразительная история живет своей самостоятельной жизнью уже более ста лет. В ней загадка. Одни говорят, что это пророчество Достоевского о будущих смутных временах, другие... Вот ты, Анхель, как думаешь, о чем эта история?..

— О том, что Бог — это любовь... — я ответил наугад, пожал плечами. На самом деле ответа у меня не было.

— Да, но ты забываешь одно важное обстоятельство, — поправил меня Андрей. — Эту историю глубоко верующему человеку рассказывает атеист.

— Странно, странно... — пробормотал Гаптен. Он хоть и читал «Карамазовых», но лишь сейчас обратил внимание на этот парадоксальный факт. — Действительно, Иван Карамазов атеист...

— *Это притча не о вере, это притча о добре*, — тихо сказал Андрей, глядя словно внутрь себя, словно бы сверяясь с какими-то другими своими мыслями.

— О добре? — удивился Гаптен. — Но почему?

— О добре... — повторил Андрей. — Великий Инквизитор не желает людям зла. Напротив, он желает им добра. Но это... как бы сказать?.. Неправильное добро, что ли. Не от сердца.

— Постой, что ты имеешь в виду? — Гаптен потерял мысль и закачал головой из стороны в сторону.

Андрей задумался.

— Понимаешь, — начал он через какое-то время, — Инквизитор изучил этот мир, изучил людей. Например, он знает, что люди боятся власти и что они будут пресмыкаться перед ней, как только она покажет зубы. Причем перед всякой властью — властью правителей, властью авторитетов, предрассудков, властью их собственного страха...

— Первая Печать, — отметил я сам для себя и тут же вспомнил слова Данилы: «Власть —

это не когда кто-то правит, власть — это когда кто-то подчиняется».

— Инквизитор знает и другое, — продолжал Андрей, — он знает, что люди часто готовы пожертвовать ценным и важным ради своих мелких, сиюминутных прихотей и желаний. Как часто случается, что человек отворачивается от тех, кто его любит. Ведь часто же! И от чужой беды, чуждой боли...

— Это вторая Печать, — понял я. — Эгоизм.

Андрей кивнул.

— И наконец сам он, этот Инквизитор, он же *завидует*. Он завидует самому себе! И это третья Печать. Он не хочет верить в то, что люди такие, как он о них говорит. И он не хочет быть тем, кто так говорит. Нет, не хочет. Он завидует себе, но не ожесточенному, не разочарованному, не отчаявшемуся. Понятно я объясняю? Он завидует себе — тому, каким бы он был, если бы в нем была сила Христа...

— Да! — понял я наконец. — Да-да! Он силе Его доброты завидует! Точно! И поэтому именно атеист Иван эту притчу рассказывает, потому что в нем тоже этой силы нет, только разум!

— Да, — Андрей улыбнулся мне и вернулся к тому, с чего начал. — И поэтому доброта бывает разной — и правильной, и неправильной. Бывает от сердца, а бывает от разума. Формально ведь Великий Инквизитор что говорит?.. Бог оставил людей один на один с жизнью. «Живите, боритесь, создавайте себя!» — вот завет Бога к человеку. Но людям было бы легче, если бы Бог был Золотой Рыбкой, Щукой, исполняющей его желания, Коньком-горбунком. А это не так. И вот Инквизитор предлагает людям осязаемую иллюзию — определенность, стабильность, «маленькое человеческое счастье», мудрость и защиту Церкви. Он говорит: «Не ищите смысл жизни, не ищите правды, но живите так, как мы скажем, потому что мы знаем Его Тайну». И он, этот Инквизитор, действительно желает людям добра, но это доброта от ума, а не от сердца. Он самих людей не видит, они для него — стадо: тысячи тысяч.

— А у Христа доброта от сердца... — дополнил я.

— Да, — продолжил Андрей. — Христос не к тысячам избранных приходил, как говорит Инквизитор не к сотням, не к десяткам, Он к *одному* приходил — к каждому. И вот теперь Он смотрит на *одного*, на Великого Инквизитора, и сострадает ему. Не сочувствует, не жалеет, а *сострадает*. Тот говорит: «Я ненавижу Тебя». А Он подходит и целует его в губы. И в этом *все*...

— Сострадает, — эхом повторил Гаптен.

— Можно все делать правильно... — задумчиво сказал Андрей, словно бы подводя итог своим словам. — Можно и думать правильно, и поступать правильно, но вот доброты в этом не будет. А если доброты нет, то тогда и дела мертвы, и мысли, и поступки. Истинная доброта — она от сердца. Это открытость, это подлинное бесстрашие — вот что такое настоящая доброта...

— И что ты думаешь? — спросил у него Гаптен, показав глазами на мерцающий экран.

— Данила протянет луковку. А что дальше будет?.. Не знаю.

— Луковку? — я был уверен, что ослышался.

— Да, — задумчиво ответил Андрей.

— Это тоже из «Братьев Карамазовых», — пояснил Гаптен. — Луковка...

И было видно, что он понял в этот момент что-то очень важное, что-то значительное. Но что?..

Данила подошел к обычной, ничем не примечательной двери на шестом этаже одной из тысяч городских многоэтажек. Поднял руку, чтобы нажать на звонок, но не нажал. О чем-то задумался. Рука повисла в воздухе, замерла в двух сантиметрах от звонка. Павел — так звали человека, который обратился к нам с экрана, — бросил Даниле вызов. Да, он вызвал его на дуэль. О чем он говорил в своем странном монологе?..

Он сказал: «Я хочу умереть, убить себя, чтобы ты знал, Данила, — мир не спасти. Нет. И ты не спасешь, и никто не спасет. Пусть я ничтожество, никто, тварь дрожащая. Но моя кровь, кровь ничтожества, будет и на твоих руках, Данила, и на руках этого мира. И ты будешь жить дальше, и ты будешь жить, зная, каков этот мир, который ты защищаешь. Он — убийца.

Да, умрет букашка, мелкий, маленький человечек. Но если мир допускает это, то все неправда, все ложь. И Бога нет, и Света нет, и Будущее не будет».

Палец Данилы коснулся синей кнопки звонка. Дзынь...

За дверью послышался шум, щелкнул замок, и дверь открылась.

На пороге стоял Павел — высокий, худой, немного сутуловатый, с копной пепельного цвета волос. Под серыми глазами темные круги, впалые щеки, утонченный, чуть сдвинутый вправо нос. Одет по-домашнему: мягкая майка, поношенные спортивные штаны и шлепанцы на босу ногу. На вид ему лет двадцать пять—двадцать семь. Но глаза старые-старые, мертвые, словно пуговицы из мутного стекла.

— Данила? — неуверенно спросил он, тонкие темные, стреловидные брови изогнулись.

Данила ничего не ответил.

— Быстро ты, — Павел повернулся к Даниле спиной и прошел в комнату. — Заходи, коль не шутишь.

Но Данила так и стоял на пороге. Голова опущена. Смотрит исподлобья в спину «дуэлянту», и я готов поклясться, решает для себя один-единственный вопрос — играет Павел или страдает по-настоящему.

Часто так бывает — человеку кажется, что он страдает, но на самом деле это только маска. Иногда люди так свыкаются с этой ролью, с этим имиджем, что уже и сами не могут отличить — где у них настоящая боль, а где разыгранная.

— Избранник, я не кусаюсь! — ехидно выкрикнул Павел. — Проходи, располагайся!

Данила сделал шаг внутрь и окинул квартиру взглядом. Тусклый свет от лампочки, болтающейся на одних проводах, грязные полы, обшарпанные стены, на потолке трещины, разводы от неаккуратно положенной краски.

Еще секунду Данила раздумывал, потом словно стряхнул что-то с плеч, быстро закрыл за собой дверь, снял куртку, разулся и прошел в комнату.

Павел сидел на продавленном покосившемся диване, накрытом сверху сальным покрывалом.

—Что-то мне перестала нравиться моя идея, — зло сказал Павел, глядя на Данилу снизу вверх. — Не о чем мне с тобой разговаривать. Приехал... Спасатель... Чип и Дейл.

Данила улыбнулся. Взял стул и сел напротив Павла.

— Ну как, теперь не так страшно? — Данила добродушно развел руки в стороны.

— Что? — Павел повернул голову и искоса посмотрел на Данилу. — Ты о чем?

— О чем? — пожал плечами Данила. — Если меня «Чипом и Дейлом» назвать, наверное,

сразу легче становится...

Глаза Павла блеснули. Что было в этом взгляде? Негодование? Презрение? Страх? Гнев? Злость? Не знаю. Все вместе, все сразу.

— Ты думаешь, я шучу?! — прошипел он. — Ты думаешь, я неудачник, который так самоутверждается? Да?!

Данила отрицательно покачал головой:

— Если у тебя есть другое объяснение, скажи...

Может быть, Павел рассчитывал, что Данила начнет оправдываться или, напротив, — разозлится. Но Данила не сделал ни того ни другого. Он просто «вернул» Павлу его слова, и это вывело того из себя.

— Ты, видимо, не понял, что я говорю совершенно серьезно, — Павел встал и направился к большому шкафу, стоящему в углу комнаты. — Вот...

Он открыл дверцу. Бельевой шкаф весь — снизу доверху — был забит какими-то пакетами. На средней полке стояло небольшое самодельное электронное устройство с торчащими во все стороны разноцветными проводами. На подсоединенных к устройству часах бледно-зеленым светом горели цифры: 04:13:53. Через секунду: 04:13:52. Еще через секунду: 04:13:51.

— Что это? — тихо спросил Данила.

— Это наш с тобой билет, Избранник.

— Билет?

— Да, билет. К Богу.

Адская машина находилась на шестом этаже. Снизу еще пять, сверху — восемь. Сколько там людей?!

— Рано ты пришел, Данила, — сказал Павел. — Я думал, у нас с тобой где-то час будет, не больше. Вот и часики завел... Ну ладно, если что — у меня кнопка есть. Мы наш *пиик* можем и ускорить, если понадобится.

Павел показал на свое запястье. К нему пластырем был приклеен какой-то пластмассовый предмет, похожий на брелок автомобильной сигнализации.

— Обманул я тебя, — Павел улыбнулся. — Один не хочу умирать. Вместе полетим. На небо!

— Надо людей вывести, — спокойно сказал Данила.

— Каких людей? — Павел сделал вид, будто бы не понял его слов.

— Жителей дома.

— Нет, не надо, — Павел отрицательно покачал головой. — Поедем с эскортом!

— Они ни в чем не виноваты, — голос Данилы едва заметно дрогнул.

— А никто ни в чем не виноват, мир такой... — лицо Павла исказилось, это был сарказм, издевка, чувство безграничного превосходства и торжества. — Я же тебе говорил, а ты мне все не веришь.

— У тебя нет никаких причин их убивать, — голос Данилы на мгновение стал грозным.

— А ни у кого нет никаких причин, — расхохотался Павел. — Ты разве не знал?! Ни у кого — никаких — ни на что. Все фарс! Розыгрыш. Мы как подопытные кролики. Плебеи в руках Господних. Даже не в руках, в ногах... И главное ведь — что?

Он встал и приблизился к Даниле, сидящему на стуле в центре комнаты. Высокая худая фигура Павла изогнулась и замерла в этом неестественном положении. Он как змея танцевал смертельный танец над своей жертвой.

— Что? — спросил Данила, глядя Павлу прямо в глаза.

— Вот ты — Избранный. А они, — Павел показал вверх и вниз, — они нет. И я — нет. Тебе

и жить хорошо, и умирать не скверно. А нам... Так что я теперь даже убивать тебя не хочу. Поболтаем часок-другой, и, может, отпущу тебя. Иди и *помни*.

— Людей выпусти, — повторил Данила. Павел развернулся и пошел к дивану.

— А если твои дружки что-нибудь предпримут, я увижу, — бросил он раздраженно и показал на зеркало, стоящее под углом у самого окна.

Павел так приладил зеркало, чтобы видеть с дивана выход из дома и улицу.

— Я не понимаю — чего ты от меня хочешь? — спросил Данила.

— Не знаю, — внезапно тихо ответил тот. — Я как-то все это по-другому себе представлял.

— По-другому? — от удивления Данила даже повысил голос. — Что представлял?!

— Но это всегда так, — тихо, почти беззвучно шепнул Павел. — Сплошной обман.

— В чем обман-то?

— По шло все... — отозвался Павел.

— По шло? — переспросил Данила.

— Пустая, пошлая обыденность, — Павел залез на диван с ногами, зажал колени в кольцо рук и уставился в зеркало над окном. — Чуда нет. По шло. Если чуда нет — зачем жить? Вот вы там за души наши боретесь, знание какое-то ищете... Скрижали. Печати. И расстраиваетесь еще чего-то, переживаете, недовольство проявляете. А ты вернись, Данила, в свою коммуналку питерскую. Вернись на два года назад. И так, что ничего нет — ни жизни этой, ни астролога того, который тебя Избранником числит, ни знаков. Ничего. Пустая жизнь. Пошлая. Ты ведь тоже покончить с собой хотел. Так?!

— Да.

— Потому что обман все. Потому что по шло все. Потому что чуда нет... Ведь так?

— Да, наверное, так, — согласился Данила.

— Но к тебе, Данила, в жизнь чудо пришло, а ко мне нет. И теперь у тебя дело есть, а у меня нет. И все у тебя правильно и миленько, а у меня — гнусно и того хуже — никак. Но ничего, браток, если так, мы эту лавочку прикроем, — Павел потер запястье с прикрепленным к нему пультом дистанционного управления. — Нажмем на кнопочку, и привет! Все кончится.

Павел помолчал какое-то время и добавил: — И это ведь вранье все, Данила, что Избранники другим людям нужны. Просто Избранникам хорошо, а нам — *другим людям* — плохо. Вот и все.

— *Неизбранник*, — позвал Данила. — Людей выведи из дома.

И Павел вдруг расхохотался. Зычным, рваным, пугающим спехом.

— Вот ты заладил! — прокричал он сквозь хохот. — «Выведи людей!» «Выведи людей!» А знаешь, в чем проблема? Если я им скажу: «Я знаю про бомбу, которая заложена в 137 квартире. Выходите...» — никто не выйдет. В милицию начнут звонить, спрашивать, докладывать. Через час эта милиция приедет, не спеша, с собакой. Поднимутся ко мне на этаж, позвонят, начнут спрашивать... Никто из дома не выйдет. Понимаешь? Потому что мой голос для них — даже если это их жизни касается — ничто. Люди такие, мир такой, все глупо. Глупо и пошло. Все еще не веришь мне?..

— Не верю, — ответил Данила.

— Доводы плохие? — зло ухмыльнулся Павел.

— Доводы нормальные. Хорошие доводы. Только вот я не верю.

— Вот, — Павел показал указательный палец. — Видишь! Это потому, что ты Избранный. Поэтому и не веришь. У тебя другая правда, не *наша*. И к нам она никак не относится.

— Нет, я не верю, не потому что я Избранный, — возразил Данила. — Я не верю, потому что не хочу. Просто не хочу, и все. Это ты можешь понять?..

— Сытый с голодным никогда не договорятся...

— Знаешь, — сказал Павел, — я однажды загадал...

— Загадал? — удивленно переспросил Данила.

— Да, нажрался таблеток, штук сто, наверное, съел. И загадал — умру, так тому и быть, а если не умру, то значит, случится еще в моей жизни что-то особенное, чудо какое-то, которое все перевернет. Обыденность эту, эту пустоту внутри,

Данила посмотрел на Павла с какой-то иронией:

— То есть не собирался умирать, я так понимаю?

— В смысле?.. — он недовольно уставился на Данилу.

— Просто похоже на шантаж, Павел.

— На *шантаж*? — презрительная гримаса на миг исказила его лицо. — Не понимаю.

— «Жизнь, а ну-ка быстро, хочу чуда! А не дашь, так я помру, и будет моя кровь на твоей совести!» Это называется шантаж.

— Я думал, ты тоньше, — едко заметил Павел, его верхняя губа нервно дернулась.

— «Тоньше» — это в смысле *хитрее*? — с подвохом переспросил Данила.

— Нет, тоньше в смысле *тоньше*.

— Знаешь, я на правах «Избранного» открою тебе один секрет, — сказал вдруг Данила. — Пока ты пытаешься контролировать Жизнь, в ней чуда не будет. Просто не может быть. А то, что ты сделал, это способ контроля. Ты у нее неких гарантий затребовал. Понимаешь? Мол, пусть даст мне знак, что все будет нормально. Ты у Жизни потребовал, словно Промысел должен перед тобой отчитываться... Неужели не понимаешь? Ведь не можешь не понимать. А значит — хитришь. Чудо приходит только в тот миг, когда ты готов довериться Жизни. И приходит оно само, без уведомления, без предупреждения, без гарантий.

Павел долго молчал и смотрел куда-то перед собой. Он думал о чем-то. Тяжело, напряженно, мучительно думал.

— Я тогда проснулся от невыносимого света, — сказал он наконец. — Мои веки были сомкнуты, но я все равно чувствовал этот свет, он резал мне глаза. Я с трудом перевернулся на бок и закрыл голову руками. Стало чуть легче. Я очнулся. Я выжил. Это значило, что в моей жизни еще будет что-то хорошее... Я сыграл с Богом в рулетку, а Он спас меня. Он явил чудо, как я и просил. Тогда я еще не знал, что эта жизнь была оставлена мне в наказание. Это не я сыграл с Ним в рулетку, это Он игрался со мной...

— Оставив мне жизнь, голос Павла звучал глухо, — Бог осудил меня на длинную, невыносимую муку. Он садист, ваш Бог... Ты знаешь это, Данила? Ты знаешь, что Он — садист?! Я думаю, наши мучения доставляют Ему удовольствие. Иначе это никак нельзя объяснить.

— О чем ты? — Данила смотрел на Павла широко открытыми от удивления глазами.

Молодой человек — уставший, измученный, истощенный — вдруг заговорил как *пророк* — жестко, гневно, решительно:

— Бог требует повиновения. И ты мне говоришь о том же, Данила. Это рабство, твой призыв — «Доверься!» И ведь это не призыв даже, это *ультиматум*. Потому что, если человек находит в себе силы восстать против этого, если он находит в себе силы сказать «нет!» той жалкой жизни, на которую его обрекает это твое «Провидение», Бог наказывает его, и наказывает жестоко. Скажи Ему: «нет!» — и Он будет препятствовать тебе во всем. Захочешь любви — от тебя отвернутся все до единого. Захочешь веры — окажешься в такой грязи, где всякая живая душа неминуемо задыхается и гибнет. Захочешь умереть — Он тебе и этого не позволит. Если Бог решил, вынес свой приговор, ты будешь *страдать*. Ему даже душа твоя не нужна... Он садист и психопат — ваш Бог.

— Павел! — крикнул Данила.

Павел был в приступе бешенства. Глаза вращались в орбитах, казалось, еще чуть-чуть, и, выкручивая запястья, он ломает себе руку. Ту самую, с пультом дистанционного управления от взрывателя.

— Но тогда, в тот день, я решил, что Бог явил чудо, — Павел был словно в забытьи и продолжал говорить, то чуть успокаиваясь, то возбуждаясь с новой силой. — Да, еще вчера я простился с жизнью, а сегодня... сегодня я мог начать ее заново! Я был так глуп, что принял это за *второй шанс*. Если я выжил, значит, мне еще суждено что-то хорошее. Значит, будет чудо! Дурак.

Солнце пекло. Чистое ясное небо. Веселые, улыбающиеся люди. И я поддался этому настроению. Бродил по улицам, глупо жмурясь и выискивая глазами обещанное мне счастье. Наверное, я был похож на голодную собачонку, которая ждет, пока ей бросят какую-нибудь корку. Я дышал надеждой, я жаждал ее. Должно быть, Бог изрядно повеселился в тот день, наблюдая за мной.

И вдруг, действительно, со мной стало происходить что-то странное. Во-первых, меня чуть не сбил микроавтобус. Я собирался перейти дорогу, дернулся, и тут же справа раздался дикий визг тормозов. Тупая белая морда маршрутки замерла всего в каких-нибудь пяти сантиметрах от меня.

Высунулся водитель. Он начал что-то кричать, ругаться, поливать меня всякими словами. Но я словно бы и не слышал его. Я как замороженный глядел на этот глупый, ухмыляющийся капот... Прямо перед моим лицом была надпись: «Ищешь свою любовь?» — и символ новой FM-радиостанции — *два лебедя*.

Водитель вылил на меня всю свою злость до капли и уехал. Тупой кретин. Он даже не понял, что был всего лишь курьером, доставившим мне первую подсказку. Я пришел в лихорадочное возбуждение. Я шел — быстро, никуда, без всякой цели, просто шел, иногда бежал. Чтобы не снижать темп, ставил себе цель обогнать какого-нибудь человека, шедшего впереди.

«Где же я видел этих лебедей? Где?!» — думал я. Два лебедя — словно быки, упершиеся друг в друга лбами. Изогнутые шеи образуют сердце. За этим сердцем — садящееся солнце...

И вдруг я понял — соседний дом! Да, точно! Его еще называют «лестница», потому что он похож на лестницу, лежащую на боку, — каждый следующий подъезд выступает чуть вперед. И на этих выступах десятки рекламных щитов. И как раз сейчас — реклама этой радиостанции! Лебеди!

Я круто развернулся и нырнул в подземный переход, в метро. Спустился вниз. Шел все так же быстро. Увидел отходящий поезд. На его стекле была та же картинка — *два лебедя*! Буквально пролетев платформу, я успел запрыгнуть в последний вагон и только тогда понял, что эта ветка везет меня к дому.

Все сходилось. Меня словно бы кто-то вел...

Оказавшись перед домом-«лестницей», я подошел к подъезду, над которым висел гигантский рекламный баннер.

Чуть постоял, отдышался и огляделся по сторонам. Никакого другого знака не было. Значит, все? Значит, здесь и сейчас... Наверное, Бог в эту секунду просто корчился от смеха. Я стоял перед этой идиотской зеленой дверью подъезда и вспоминал монолог Мастера: «Неужели сейчас? Подождите! Это надо осмыслить!..»

Вдруг дверь распахнулась и... я увидел Олесю.

«Ты?» — сказала она без всякого удивления, будто знала, что встретит меня здесь.

«Я...»

Бог режиссировал комедийную мелодраму.

Павел как будто забыл, что сейчас с ним в этой комнате находится Данила. Он полностью ушел, упал в себя и продолжал говорить, говорить, нервно, сбивчиво, но не останавливаясь. Его рассказ, полный боли, отчаяния и страха, породил ощущение абсолютной безысходности. Павел загнал себя в угол, запутался, сбился. Он создал мир, в котором ему самому не нашлось места. И сейчас он словно бы вновь проходил по той же самой дороге, которая и привела его в этот ужасный тупик. Не видя и не понимая этого, он держал руку со злосчастным пультом так, словно бы это был не ключ от адской машины, а крест — молитвенный крест... На таймере оставалось чуть больше трех часов.

Я знал Олесю уже лет десять, а может и больше. В старших классах она была девушкой моего друга. Потом пропала — поступила в институт, а я ушел в армию. Мы жили в одном дворе. Когда встречались, обменивались пустыми, ничего не значащими фразами — «Привет. Как дела?»

Мне казалось, она относилась ко мне с симпатией. Я даже думал несколько раз с ней заговорить, но так и не нашел нужной темы. У нас было мало общего. Она — *правильная*. Делает все как нужно, как заведено, чтобы все были довольны. Словно пытается перед кем-то выслужиться. А мне наплевать...

Потом у нее, кажется, появился какой-то мужчина. Старше ее и не из бедных. Я несколько раз его видел. Он привозил Олесю домой. Потом она исчезла, и я решил, что она вышла замуж. Стало противно, я разозлился. Меня вообще это раздражает — сейчас женщины думают не о том, как жить, а о том, как *устроить свою жизнь*.

И вот сейчас, в тот самый день моей «второй жизни», она вышла из дверей, к которым меня привели *знаки*. Мы стояли друг напротив друга, а над нами висел плакат с двумя влюбленными птицами. Она вопросительно смотрела на меня своими ясными серыми удивительными глазами и улыбалась.

И я вдруг *увидел* ее лицо. Как в первый раз. Глядел и не мог оторваться... Формально — она не красивая. Таких девушек на глянце печатать не будут — ни жгучей сексуальности, ни классической прелести. Высокая и плотная, хотя не толстая. Нос прямой, но чуть длиннее нужного, вокруг — едва заметные веснушки. Губы яркие даже без помады, почти всегда чуть потрескавшиеся.

Вообще я никогда не смотрю, во что одеваются женщины. Одежда, макияж, прическа — это ведь только внешний образ. Сами они всегда другие, не такие, какими хотят казаться. Но то, что было на Олесе в тот день, я помню. Легкий светло-голубой джемпер в обтяжку, серые джинсы и дурацкий платочек в сине-белых кружочках вокруг шеи. Украшение... Ужасно нелепое.

Пауза затянулась. Прошла, наверное, целая минута. Но Олеся стояла, не уходила. Все смотрела на меня и смотрела, с немым вопросом в глазах.

— Что-то случилось? — она первая нарушила молчание. — Ты какой-то... какой-то потерянный.

— Просто... — я охрип. — Просто не ожидал тебя увидеть. Ты куда-то пропала. Уезжала?

Олеся ответила не сразу. Похоже, не знала, как сказать.

— Да... Уезжала, — кивнула она. — Я сейчас здесь не живу. Вот приходила забрать у мамы кое-какие документы.

— А-а-а... — протянул я. — Понятно...

У меня горло сдавило, и голос осип еще больше. Мне вдруг стало ясно, что я должен сказать правду. Прямо сейчас. Потому что сегодня особенный день. Я не просто так оказался у этих

дверей. Нет, эта встреча просто не может быть случайностью! Собрав все силы, я выдавил из себя:

— А я думал о тебе. Представляешь? Все гадал — где ты, с кем? Ты вышла замуж?

— Н-нет, — неуверенно ответила Олеся и тоже вдруг закашлялась, а потом добавила: — Знаешь, я тоже о тебе думала. Все хотела позвонить, узнать, как дела. Но оказалось, у меня твоего телефона нет. Всю квартиру перерыла, пока искала школьную записную книжку. Нашла, а твоего номера в ней нет...

— Ты влюбился? — спросил вдруг Данила. Павел повернул к нему голову и сказал, словно пробудившись от глубокого сна:

— В каком смысле?..

— А есть разные смыслы? — Данила пожал плечами и, не дожидаясь ответа, добавил: — Просто странно это выглядит. Ты ведь не влюбился, ты знал, что должен был влюбиться, и заставил себя это сделать. Понимаешь? Не влюбился, а заставил...

— Заставил? — Павел смотрел будто бы сквозь Данилу. — Нет, я не заставлял.

— Но ты искал чудо? Ждал, что *случится* что-то особенное?

— Да, — голос Павла дрогнул.

— Знаки — вещь хорошая, — грустно сказал Данила. — Но их нельзя искать. Они или есть, или их нет. Если есть — то не ошибешься, поймешь, что Жизнь дает тебе какое-то знание. А если их нет, то нельзя придумывать. Совпадения — часто только совпадения. Но если строить иллюзию, то получается, что ты и сам себя обманываешь, и других обманываешь. Нельзя. Потом будешь разочаровываться, винить. А кого винить, если ты сам все это выдумал?..

Данила подался корпусом чуть вперед, уперся локтями в колени и уронил лицо в ладони.

— Нет, неправда, — прошептал Павел, но в его голосе не было прежней уверенности.

— Павел, нельзя жить по придуманному сценарию, — тихо, почти неразборчиво произнес Данила. — Жизнь сложнее. Она непредсказуема. Бог дал человеку разум, но не вместо Себя. Понимаешь?.. Никакого интеллекта не хватит, чтобы сконструировать Жизнь. Да и нужно ли это делать? Не лучше ли позволить Ей — самой Жизни — войти в тебя, в твое существо, в твой мир?

— Это только теория, — сухо ответил Павел.

— Ты вот, — продолжал Данила, — про женщин говорил. Что они, мол, думают не о том, как *жить*, а о том, как *устроить* свою жизнь. Метко подметил. Молодец. Но ты посмотри на себя. Вместо того чтобы *жить*, ты только рассуждаешь о том, какая *жизнь*.

По лицу Павла скользнула усмешка.

— Думать — теперь не модно? — бросил он.

— Ты говоришь, — продолжал Данила, не реагируя на эти выпады, — что Олеся пытается жить «правильно», чтобы всем угодить. Тебя это раздражает. Хорошо. Ну а ты, Павел, ты сам? У тебя ведь просто другое «правильно». Тебе кажется, что надо этому миру сопротивляться. Это для тебя *правильно*. Протест индивидуальности. И я не говорю сейчас, что лучше, а что хуже. Я говорю о сути. Ведь это то же самое, знаки только разные — у нее «плюс», у тебя «минус». А поэтому поступки Олеси не делают людям больно, а твои — делают.

— И что с того? — огрызнулся Павел. Данила поднял на него глаза — тяжелый, усталый взгляд.

— А то... — весомо сказал Данила. — Ты ее обманывал.

— Кого?!

— Олесю.

— Как?!

— Тем, что выдавал желаемое за действительное, — уверенно сказал Данила. — Тем, что

вместо живой, искренней любви предложил ей искусственную, муляж. Ты и вправду думаешь, что ты ее любил по-настоящему, сердцем?

Павел замер, он смотрел на Данилу, не зная, что ответить и как реагировать. Данила попал в самую точку. Не в точку даже, а в сердцевину, в самую суть. Он сказал Павлу правду, страшную правду — Павел обманывал. Он обманывал и себя, и, что самое страшное, ее — ту женщину, которая его полюбила, полюбила по-настоящему, несмотря ни на что. Полюбила так, как он не смог.

— Нет, — упрямо сказал Павел, почти не разжимая рта. — Я любил ее. Любил. И она это знала. Но она меня не любила, нет. Я доскажу.

Было лето. Мы гуляли в городском парке. Олеся шла медленно, внимательно глядя себе под ноги, словно цапля, высматривающая в болоте лягушек. И тогда я решил рискнуть. Я решил сказать ей главное. Если сейчас она ответит «нет» — то для меня это ничего не изменит. Но я буду знать, что пытался, что преодолел свой страх.

Тот, кто любит, всегда в выигрышном положении. У него нет выбора — любить или нет. Он в согласии со своими чувствами. Надо только победить свой страх.

— Я тебя люблю, — сказал я тихо.

Она посмотрела на меня странно, но без удивления, и ответила:

— Я знаю, — прозвучало просто и даже буднично. — Я всегда это знала. Ждала, что ты скажешь, но ты не говорил. Я уж решила, что все себе придумала, нафантазировала, а потом поняла, что ты не можешь не любить, что тебе это нужно.

Олеся сказала это так спокойно, так естественно и так нежно, что у меня сердце в груди зашлось.

— И мне не важно, как ты меня любишь, — Добавила вдруг она. — Просто мне очень хочется, чтобы ты меня любил.

И этим она разрушила все. Она сказала это так, словно бы в моей любви есть какой-то изъян. Но ведь это неправда! Нет, это в ее, в ее любви был изъян! И с каждым днем наших отношений, с каждым днем он становился все очевиднее, все яснее!

Стоило мне хоть на минуту задуматься, уйти себя, как Олеся тут же с тревогой спрашивала:

— Ты меня любишь?

Это повторялось постоянно, и я постоянно говорил ей — да, люблю. И то, что она красивая, и что мне с ней интересно, и что я не хочу быть ни с кем, кроме нее. Я все это ей говорил! Но в женщинах странным образом сочетаются ужасная самоуверенность и столь же скромный, неизлечимый комплекс неполноценности.

Однажды мы ходили в кино. Это был фильм моей любимой актрисой.

— Лучше ее быть не может, — сказал я, когда мы вышли из кинотеатра. — Я ее обожаю. У меня есть все фильмы с ее участием,

Олеся как-то странно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Весь вечер она была грустной. Когда мы пришли домой, долго смотрела на себя в зеркало в прихожей и наконец произнесла с отчаяньем:

— Я такая толстая, неуклюжая, неизящная! Ненавижу свое тело! Я уже несколько лет давлюсь кефиром и овощными салатами, а все равно остаюсь коровой. И все эти мучения только ради того, чтобы не быть совсем уродиной...

Я подошел к ней сзади и обнял.

— С ума сошла? Ты самая красивая женщина в мире!

Она глубоко вздохнула и посмотрела на меня с печальной улыбкой.

— Спасибо, что ты поддерживаешь меня и говоришь, что я красивая, хоть на самом деле так

и не считаешь.

— Ух ты! — я удивленно приподнял брови. — С каких это пор тебе лучше меня известно, что я думаю?

— Я очень ценю, что *ты* не хочешь меня расстраивать, — Олеся с упоением продолжала заниматься самобичеванием. — Но ведь это правда — я совсем не красивая. Просто ты меня любишь... Знаешь, ты необыкновенный. Обычно мужчины относятся к женщинам по-другому. Они любят не женщин, а чувство превосходства, которое те способны им дать. Мол, вот я какой, раз у меня *такая* женщина. А ты — нет...

Олеся вдруг порывисто обняла меня и принялась целовать.

— Спасибо тебе, спасибо, что ты есть! Если бы ты знал, как долго я тебя ждала! Как долго я тебя ждала! Пожалуйста, люби меня! Мне так нужно, чтобы меня хоть кто-то любил! До тебя я была как мертвая! А с тобой все по-другому! Я словно бы ожила! Не могу без тебя! Не хочу без тебя! Если ты меня когда-нибудь разлюбишь — я умру!..

— Да что ты такое говоришь? — удивился я. — Я здесь, я с тобой. Я буду с тобой, пока ты этого хочешь. И даже если решишь уйти от меня, я все равно буду тебя любить.

— Ничего не говори, — она зажала мне рот ладонью. — Не смей говорить об этом. Не смей даже думать обо мне так. Я люблю *тебя* ! Тебя одного. Навсегда. Это *навсегда-навсегда* . Понимаешь? Мне самой страшно, как сильно я тебя люблю! Ведь все вокруг говорят, что любви нет. Что это все гормоны, влечение, иллюзии... А я в это никогда не верила, хоть и делала вид, что верю. И мне было страшно всегда, что я в кого-нибудь так влюблюсь. Потому что понимала — если полюблю, то навсегда. На всю жизнь, и обратного пути не будет... Я и сейчас как над пропастью стою, понимаешь? А ты мне вдруг так просто мимоходом говоришь, что какую-то женщину обожаешь и она «лучше всех»...

Я отстранился, взял Олесю за плечи и посмотрел ей в глаза. Я хотел убедиться, что она не шутит. Она не шутила.

— Олеся! Ты серьезно? Ты плачешь, потому что мне актриса нравится?

— Она покраснела — растрепанная, с красными от слез глазами. И капли на длинных черных ресницах... Я задохнулся от нежности и любви. Прижал ее к себе и тихонько рассмеялся.

— Олеся, какая же ты смешная! Какая же ты... — я не мог подобрать слова. — Какая же ты глупая! Господи! А я то думаю, что случилось? Боже мой! Ну хочешь, я все кассеты с ней выброшу и больше никогда в жизни не пойду ни на один фильм с ее участием?

Она пыталась сохранить серьезность, но против своей воли начала улыбаться.

— Хочу, — вдруг хмыкнула она и тоже засмеялась.

Я почти бегом бросился в гостиную, выгреб с полок все кассеты — и на кухню, чтобы бросить их в мусорное ведро. Олеся схватила меня за рукав:

— Стой! Ты что, серьезно? Сумасшедший!..

А сама смеялась от счастья. И я смеялся.

— Миленькая, чудная сцена, правда? — зло спросил Павел, буквально проткнув Данилу взглядом.

— Тебя выводила из себя ее радость? — спокойно, без обиняков ответил он.

— А ты не понимаешь?! — рассвирепел Павел. — Не понимаешь?! Не видишь, что она сделала?!

— А что она сделала? — сказал Данила, но это не прозвучало как вопрос. Данила словно бы предупреждал Павла, просил — не нападай, прояви достоинство, мужество, благородство. Не нападай...

— Она же меня заставила, вынудила! — вскричал гневно Павел. — Я сделал то, что она

хотела. Ей нужен был момент этого триумфа! Ее триумфа! Она хотела почувствовать себя хозяйкой, властительницей моих желаний! В этом вся женская сущность — абсолютный эгоцентризм. Никто не имеет права стоять с ними рядом на пьедестале, никто! И вот Олеся даже эту актрису — фикцию, тень, пустую грезу — столкнула со своего пьедестала, выпихнула, победила! Победила! И наплевать на меня, на мои чувства, на мои вкусы и интересы. На все наплевать! Она победила голливудскую звезду! Один:ноль в ее пользу. Блеск!

— Прекрати, — спокойно сказал Данила. — Не унижайся.

— Я унижаюсь?! — Павел даже брызнул слюной. — Я?! Она вывернула мне руки, а я и не заметил этого. Изящно, красиво, без ультиматума и применения силы. Я только потом понял, потом! Ей недостаточно было слышать от меня, что она лучшая, любимая, самая-самая, она хотела большего, она хотела, чтобы я еще и отрекся, и поклялся, и зарекся. Потрясающая игра! И ведь она добилась всего, всего, чего хотела! Теперь, что бы я ни сделал, — я предатель: посмотрел на другую женщину — предатель, подумал о другой женщине — предатель, просто оценил другую женщину по достоинству — предатель и враг! А она — жертва, несчастная жертва! Тьфу! Ненавижу!

Павла трясло, словно в стиральной машине в режиме сушки.

— Так об этой воле ты говорил... — мрачно сказал Данила. — Такая воля тебе нужна?

— Да! Да! Да! — заорал Павел. — Мне нужна абсолютная свобода! Сила свободы! Никто не имеет прав на меня! Никто, кроме меня самого! И я ненавижу этот мир, который вынуждает меня играть по его правилам. А Олеся... Она просто открыла мне глаза. Она стала в моей жизни реальным, осязаемым воплощением этой двуличности, этой подлости, этой великой лжи мира. Она поймала меня в ловушку. Она мастерски разыграла эту пьесу — милая, несчастная жертва. Расплакаться можно! А я — тиран, деспот, жестокое чудовище, подлец...

— Только ты опускаешь одну существенную деталь... — оборвал его Данила. — Тебе понравилась эта роль.

— Ха! — раздраженно крикнул Павел. — Она меня заставила! Она! Ведь я живой! Живой! Я не кукла на веревочках! Даже если крысу загнать в угол, она нападает. Когда тебе некуда бежать, когда все пути закрыты, ты нападаешь! Она связала меня по рукам и ногам своей лживой любовью, она хотела владеть мною! А мною владеть нельзя! Запрещается! И я стал нападать. Да! Потому что только в этот момент и можно почувствовать себя человеком — *вершителем своей судьбы, свободным и счастливым!*

— На чужих костях, — добавил Данила и опустил голову, не понимая, как возможно, чтобы человек так думал, не имея сил видеть это унижение, эту непомерную душевную слабость.

— Нет, ты просто многого еще не знаешь, — прошипел Павел. — Вот слушай...

В самом начале нашего знакомства мы еще умели подолгу разговаривать. Вернее, я говорил, а Олеся слушала. Изредка она задавала уточняющие вопросы, но больше слушала. Я ей рассказывал обо всем. Совершенно! Обо всем, чем раньше не говорил ни одному человеку, доверял ей свои самые сокровенные мысли и душевные тайны. Ей одной я рассказал о вечере, что предшествовал дню нашей встречи, о своем пари с Богом.

И вот однажды был такой разговор.

— Мир устроен неправильно, — сказал я Олесе. — В нем всего слишком много. Поэтому люди уже не могут довольствоваться простыми вещами. Им нужны супервещи, и желательно с бонусом. Сегодня я шел мимо метро и увидел женщину. Она продавала цветы. И ей было недостаточно их естественной красоты. Ей не хватало дивной красоты свежих, нежных роз. Она посыпала их блестками. Понимаешь? Она пыталась улучшить даже то, что и так совершенно! Это болезнь нашего мира...

Олеся слушала меня лежа на боку, прижавшись ко мне всем телом и подперев голову рукой. Ее серые внимательные глаза были серьезны, но я всегда чувствовал — она думает о чем-то своем.

Я повернул голову и провел ладонью по ее щеке.

— Я тебя люблю, — в который раз сказал я.

— Я тоже, — ответила Олеся.

И все бы ничего, но она смотрела в этот момент поверх меня. Она сказала это буднично, просто, между делом. Как сказала бы: «Едешь за сигаретами? Слушай, купи булку». Я признался ей в любви, а она ответила мне на автомате, машинально, как робот, в которого заложена программа: «На слова „Я тебя люблю“ необходимо ответить: „Я тоже“».

Иллюзия начала рассеиваться. Вероятно, все то же самое случилось и раньше, но я просто был слишком влюблен, чтобы заметить подобные тонкости и нюансы.

И тут только я начал понимать, как глубоко схватил наживку и как крепко увяз в этих отношениях. Я вспомнил слова Олеси: «Если ты меня когда-нибудь разлюбишь — я умру!» Да, она взвалила на меня весь груз ответственности. Теперь, что бы она ни сделала, как бы ни повела себя, я автоматически становился виноватым, а главное — я теперь был несвободным, как лежачий больной.

Через пару дней я поехал на собеседование по поводу работы. Дорога была жуткой. Лил дождь, автобуса не было, переполненные маршрутные такси летели мимо. Мне пришлось идти пешком. Я промок до нитки, опоздал.

Девушка, менеджер по персоналу, похожая на холеного грызуна, смерила меня долгим презрительным взглядом. На ней была кофточка с огромным декольте. Такие женщины вызывают у меня жалость и презрение. Им хочется, чтобы их желали, чтобы испытывали к ним вожделение. И все только ради того, чтобы отвечать «нет». Ведь тот, кто говорит «нет», у того и власть над ситуацией.

«Грызун» молча протянула мне пачку бумаг. Это были какие-то тесты.

— Зачем это? — спросил я. — Это что, как-то покажет, какой я водитель? Или здесь вопросы по правилам дорожного движения?

Девушка уставилась на меня так, будто я вонял.

— Сначала нам бы хотелось узнать о вас побольше в общечеловеческом плане, — сказала она, натужно кривя рот.

— И вы надеетесь, что получится? — усмехнулся я. — Ладно...

— Знаете что, — девушка приложила руку к виску, изображая неловкость, — я только что вспомнила... Эта вакансия уже закрыта. Как-то совсем вылетело из головы. Пора в отпуск. Извините, что зря вас побеспокоили.

Я не собирался играть с ней в вежливость. Мы оба знали, что она лжет, и оба понимали почему.

— Вранье, — спокойно ответил я. — Вы решили наказать меня за то, что не бросился целовать вам задницу.

Она вытаращилась на меня, замерла и нервно захлопала глазами.

— Вы не можете брать взяток с тех, кто хочет получить работу, поэтому требуете раболепства, — продолжил я, не отводя глаз. — Вам нужно, чтобы вас упрашивали, чтобы перед вами унижались. А знаете, зачем вам это надо? Потому что вы сами в глубине души знаете, что вы ничтожество и что вас никто не любит. А поэтому вам нужно постоянно слышать от других людей что-то, что позволит вам выстроить свой самообман. Когда у человека ничего нет за душой, он постоянно самоутверждается, ищет доказательств своей значимости. И, кстати, зачем

вам это декольте? Думаете, мужчины польстятся на вашу грудь? Зря надеетесь. Любому ясно, что без подпорки в виде вот этого торчащего бюстгальтера вся эта «красота» провиснет вниз до самого пупка, как коровье вымя.

Сказав это, в моих словах не было ни слова неправды, я повернулся и ушел.

А она так и смотрела мне вслед круглыми злыми глазами. Она готова была разреваться, потому что ей просто нечего было возразить. Нечего!

Весь день, прокручивая в голове эту встречу, я бесился. Вот вы говорите, что надо отказаться от «Я», надо увидеть «другого». Только вот как жить после этого, рецепта не даете... Когда вечером пришла Олеся, я все еще не успокоился.

— Что случилось? — привычно ласково спросила она, проведя рукой по моим волосам. — Ты чем-то расстроен?

Одной рукой она гладила меня по голове, а другой начала расстегивать пуговицы своей рубашки. И снова это же чувство! Меня оторопь взяла. Она спрашивала меня, что случилось, даже проявляла сочувствие... Но в то же время проделывала обычный ежедневный ритуал, будто ничего не случилось!

Я страстно прижался к ее губам, стараясь отогнать от себя эту неприятную мысль, эту ужасную правду.

«Должно быть, мне кажется... — убеждал я себя. — Просто она хочет успокоить меня, утешить, вернуть хорошее расположение духа».

Да... Я почти убедил себя в этом.

Мы лежали рядом на старом диване и смотрели в потолок.

— Люди помешаны на власти, — сказал я. — Они ищут ее во всем, собирают по крупинкам, готовы рисковать жизнью ради минутного торжества. Водитель нарушает правила, чтобы обогнать другую машину и тем самым доказать другому водителю свое превосходство. Хотя бы на миг, потому что у светофора они все снова окажутся рядом. Неудовлетворенные женщины ищут работу, которая позволит им отказывать мужчинам. Это их месть. И они будут держаться за свое место, потому что оно дает власть! Все! Все помешаны на власти!..

— Знаешь... — она вдруг перебила меня, хотя прежде никогда этого не делала. — Мне кажется, у тебя просто слишком много свободного времени Ты слишком много читаешь и слишком много думаешь. То есть вообще это, конечно, хорошо. Но... Сидеть в четырех стенах наедине со всеми этими мыслями, книгами, рассуждениями — так можно с ума сойти! Даже я, просто слушая тебя, потом долго не могу прийти в себя и постоянно думаю: «А каково с этим жить?»

Только теперь я понимаю, что она хотела сказать. Она уже тогда считала меня никчемным и ни на что не годным. А я любил ее. Я готов был за нее жизнь отдать, если бы понадобилось.

— Павел, тебе самого себя жалко? — прервал его Данила.

— Жалко?.. — Павел удивленно вскинул брови. — Ты хочешь сказать, что я себя жалею и поэтому все в моей жизни «не складывается»? Да?! Это ты хочешь сказать?!

— Нет, я не... — только и успел сказать Данила, но Павел уже его не слышал.

— Да я ненавижу это чувство! — кричал он. — Жалость — это унижение! Жалеют слабых, чтобы показать свою силу! Жалость — это еще один способ проявить власть! Вот я сейчас взорву этот дом! Я себя взорву! И мне не жалко! Не жалко! Слышишь, ты?!

Павел вскочил с дивана и резким движением приставил свою руку с пультом Даниле к самому носу.

— Видишь это?! Мне не жалко! Гнусное, ужасное чувство! Не жалко — ни себя и ни других, никого!

— Павел, разве ты этого не видишь? Ты превратил свою жизнь в Ад, — Данила смотрел ему в лицо и говорил тихо, спокойно, открыто. — Вместо того чтобы видеть в ней свет, ты ищешь тьму. Ищешь, находишь и вытаскиваешь на свет божий, чтобы рассмотреть и насладиться собственным ужасом. Куда бы ни посмотрел, что бы ни взялся оценивать — ты везде видишь картины Ада. Но это твой Ад, Павел. Твой.

Павел вздрогнул, отстранился от Данилы и медленно пошел к окну.

— И чем ты умнее, Павел, — продолжал Данила, — чем тоньше и чем чувствительнее, тем ужаснее твоя жизнь. Ты выворачиваешь ее наизнанку, с жадностью, с восторгом даже. Выворачиваешь и тычешь пальцами в торчащие швы. словно бы можно было сшить платье, не оставив швов. И словно в них есть что-то плохое. Ты видишь подвох даже там, где его нет. Она машинально ответила: «Я тоже» — в ответ на твои признания. И что, Павел? А если она думала в этот момент о тебе, о твоём будущем, о твоих страданиях?

— Да! — взревел Павел и начал паясничать: — Все только об этом и думают! И она мне об этом говорила всегда! Все думают только обо мне, о моем будущем и о моих страданиях! Конечно! Только об этом. Разумеется! Вне всяких сомнений! И вот ты сидишь здесь и тоже об этом думаешь! Конечно! Так я и поверил! Тьфу!

— Ты уничтожаешь себя, Павел. И мне жалко. Но мне не тебя жалко, ты в жалости моей не нуждаешься, мне твою жизнь жалко. Яркую, страстную жизнь, которой столько дано и которая вся растрачена на разрушение. На саморазрушение...

Павел и свысока смотрел на Данилу.

— Да, — сказал он через минуту. — Моя жизнь превратилась в Ад. Но понимаешь, в чем штука... Я не верю, что *твоя жизнь другая*. Понимаешь, о чем я? Я не верю, что твоя жизнь — не Ад. Нет. Просто ты уговариваешь себя, придумываешь себе всякие отговорки, объяснения, оправдания. Мол, моя жизнь не Ад, просто бывают разные накладки, а сегодня не самый удачный день, и не все люди так плохи, как хочется о них думать. Ну и так далее. А в остальном все хорошо, все замечательно. Так ты думаешь. Не отпирайся. И если ты не в Аду? Данила, то только потому, что ты живешь не по правде. Вот и все, вот и весь сказ.

— Странно... — протянул Данила.

— Что странно? — Павел зыркнул глазами.

— Только что ты говорил, что у меня в жизни есть чудо, — пожал плечами Данила. — А теперь говоришь, что моя жизнь — Ад.

— Так в этом все и дело! — воскликнул Павел.

— В чем?..

— Ты ходишь по этому Аду в ризе своей Избранности! — Павел выкинул вперед указательный палец, лицо его исказилось и пошло судорогой. — И ты можешь рассуждать — о добре, о зле, о «правильно» и «неправильно». А я живу здесь! Понимаешь?! Я живу в этом Аду, где все ложь и все неправда. И нет света, и даже тьмы нет, потому что кругом пустота. Мыльный пузырь! А ты ходишь по миру и внушаешь людям надежду. Ты сеятель иллюзий. Ложь! Ты Волшебник Изумрудного города — вот кто ты такой! Мастер розовых очков! «Хороший обманщик»... Вот в чем твоя роль — ты не изменяешь этот мир, ты умножаешь его ложь, и оттого она становится страшнее и гаже!

Казалось, в комнате сгущается воздух. Данила закрыл лицо руками.

— Это только твой Ад, Павел. Только твой, — прошептал Данила. — Неужели ничего нельзя сделать?..

— Нет, Данила! Нет! — кричал в ответ Павел. — Это не мой, это наш с тобой Ад! Видишь эту кнопку?! Это наш с тобой Ад! НАШ!

Павел метался по комнате как раненый зверь, раздражаясь грубыми ругательствами и выкрикивая страшные проклятья. Он проклинал Данилу, весь мир и лично Господа Бога.

А Данила лишь молча сидел на своем стуле. Он опустил голову и, казалось, совершенно ушел в себя. О чем он думал в эту минуту? Что чувствовал?

«Ты ходишь по миру и внушаешь людям надежду. Ты сеятель иллюзий. Мастер розовых очков!» — сказал ему Павел. Он сказал это грубо, жестоко и безапелляционно. А главное — это было неправдой. Но что за страшный талант — бить больно, в самое незащищенное место и наотмашь. Сказать Даниле такие слова — просто подло. Данила делает то, что должен. И не для себя, а для всех. Без кокетства, щедро и искренне. И у него ведь тоже нет никаких гарантий, никаких преференций или определенности. Его единственное отличие от любого из нас — это невероятная степень ответственности. Павел выдохся. Остановился, замолчал, открыл ящик письменного стола, достал оттуда приготовленный заранее шприц, и сделал себе инъекцию.

— Так будет полегче и поспокойнее, — сказал он, ложась на диван.

Мы все время говорили только о ней. Она говорила о себе... О своей работе на радиостанции и обо всем, что с этим связано. «Знаешь, у нас на работе...» «У меня есть знакомый...» «Сегодня к нам на эфир приходил, ты не поверишь...» «Моя подруга...» и так далее. Она называла это «делиться».

В моей жизни, кроме Олеси, ничего не происходило. Во всяком случае, ничего такого, чем можно было бы «поделиться». У меня не было работы, к моим знакомым даже я сам относился без особенного восторга, с известными людьми мне встречаться не доводилось, единственный мой друг умер от передозировки полтора года назад.

Любимой фразой Олеси было: «Ты ничего не понимаешь». Например, она говорила:

— Сегодня Виктор отстранил Лену от прогноза погоды и дорожных сводок. Это так несправедливо. У нее маленький сын, он болеет. Конечно, она не справлялась с работой, надо было взять ей помощницу, сменщицу, но увольнять саму Лену... Это так не по-человечески.

Виктор — это их шеф-редактор. Лена — мать-одиночка. Бездарная журналистка, которая за два года даже по бумажке толком читать не научилась, но ее все жалели.

— По-моему, он поступал очень по-человечески...

Днем, в ожидании Олеси, я читал Ницше «Человеческое, слишком человеческое».

— Будь у него воля преодолеть навязанный всем нам культ жалости, он уволил бы ее давным-давно, — говорил я. — Подумай сама: Лена — паразит. Она живет за счет чужой совести. Более того, ей в голову не приходит принимать вашу добрую волю как дар. Она берет ее как должное. Высшая степень паразитизма. Ты жалеешь ее? А ведь она тебя обирает. Услышав ее блянье, сотни ваших слушателей переключаются на другую волну. Ваш рейтинг падает, становится меньше рекламы, и в результате тебе нечем платить за квартиру. И тебе некого в этом винить, кроме себя самой — это плата за жалость.

Олеся чуть нахмурилась, как всегда в таких случаях, и, чуть помолчав, сказала:

— Ты ничего не понимаешь. До сих пор Виктора устраивало, как работает Лена и то, что Алла ее заменяет. Но теперь...

Она начала рассказывать длинную историю депрессии Виктора, каким он был до развода, каким стал теперь, почему в нем столько черствости... Все это она говорила с легким раздражением, будто я школьник, не понимающий урока.

— Просто ты не знаешь этих людей и тебе трудно понять, что с ними происходит, — подвела она черту и ласково улыбнулась.

Она словно бы объяснила мне мою «двойку», оправдалась. Мол, я не просто так ее поставила, а потому что это объективная оценка.

— Почему ты всегда говоришь только о внешней стороне событий? — не выдержал я. — Да, возможно, я не знаю именно этих людей. Но поскольку они мало чем отличаются от всех остальных, мы с тобой может поговорить о сути. О сути событий, понимаешь? Ты же всегда просто перечисляешь факты — кто что сказал, кто что сделал!

Олеся чуть помолчала, взяла пульт от телевизора, повертела его в руках, потом просто, словно ничего и не было, — ни ее рассказа, ни моих слов, — спросила:

— Ты хочешь есть?

И переключила канал.

Меня передернуло, взбесило. Она всегда со мной так! Когда ей не нравится, что я говорю, она просто меняет тему. Легко, точь-в-точь как с телевизором.

Я вырвал у нее из рук пульт и швырнул в угол.

— Не смей со мной так! Не смей!..

Она непонимающе захлопала глазами. Потом заплакала. Смотрела на меня не моргая, а по щекам лились слезы. Губы кривились и дрожали. Она силилась улыбнуться, но не могла.

Теперь, после инъекции, Павел говорил медленно. Язык его заплетался. В какие-то моменты его рассказ и вовсе обрывался на полуслове. Павел словно проваливался в свой сон-воспоминание.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил Данила в одну из таких пауз.

— Зачем рассказываю? — удивился он и открыл глаза.

— Да, зачем?

— Просто хочу, чтобы ты знал правду, — вяло и ехидно улыбнулся Павел, выходя из оцепенения. — Как живут обычные, настоящие люди. Не те, которых вы придумываете, а настоящие...

— О настоящих людях, говоришь... — Данила встал и прошелся по комнате. — А я слышу рассказ о человеке, который вознамерился сыграть с Богом в рулетку, а сыграл с самим собой — в русскую... Сыграл и проиграл, но не умер, только поранился. В этом вся правда. Ведь если ты хочешь найти изъяны в другом человеке, ты обязательно их найдешь. А ты хотел. Поддавливал ее...

— А даже если и поддавливал, что с того? — огрызнулся Павел.

— А то... — ответил Данила. — Ты придумал себе «счастливую историю» и надеялся, что все само собой сложится. Счастье упадет на тебя с неба — повстречаешь девушку, и влюбишься в нее, и будешь счастлив. И знаешь, в чем беда? Ты о чуде думал, а не о девушке, поэтому ничего и не получилось. Счастливые истории, Павел, не придумывать надо, а делать. Но как любить по-настоящему, если ты собственной любви боишься?..

— Я боюсь любви? — разозлился тот. — Да я любил ее! Любил!

— Любить и хотеть любить — это разные вещи, Павел. Разные.

— Снова ложь! Одна ложь! — орал Павел.

— Знаешь, — продолжал Данила, не обращая внимания на его выкрики, — можно, наверное, ударить человека. Но если ты бьешь его, зная, что он тебе не ответит, — это удар по самому себе. Ты пострадал, Павел. Сам загнал себя в угол, сам ударил, а виновной ее назначил *Ее*. Просто потому что она тебя любит...

— Не любила она меня, нет!

Каждый вечер я ждал Олесю. Когда она придет с работы, примет душ и юркнет ко мне под одеяло.

Однажды она задержалась. Почти на два часа. А когда пришла, я сразу почувствовал, что он нее пахнет алкоголем. Каким-то убийственно дорогим вином. Она хитро улыбнулась, скинула пальто и бросилась мне на шею.

— Представляешь! Мне дали эфир! Я буду вести вечернюю программу! С шести до десяти! Целых четыре часа! Лучшее время! Я так счастлива!

Она смотрела на меня и ждала, что я тоже вспыхну, как электрическая лампочка, и начну охать: «Ох как замечательно, что ты будешь теперь трепаться ни о чем в перерывах между тупыми песенками!» Замечательно! Супер!

— Да? — я отстранил ее и пошел на кухню, бросив через плечо: — Здорово.

Краем глаза я наблюдал за ней. Олеся удивилась. Довольная улыбка еще какое-то время держалась у нее на лице, но уже неуверенно — мелко подрагивала и, казалось, вот-вот осыплется.

— Мне дали эфир, — повторила Олеся. Она, видимо, решила, что я не расслышал или не понял. Но я все слышал, и в моей голове бился один-единственный вопрос: «А как же мы?!»

Впрочем, я не стал его задавать, а она делала вид, что такого вопроса не существует вовсе.

Человеку запрещено быть просто человеком. Он теперь не человек, он — сумма своих достижений. Поэтому, если перед ним стоит выбор — отношения или очередное достижение, — не задумываясь, решает в пользу достижений. Отношения должны подстроиться.

— Здорово, — повторил я и включил воду, чтобы вымыть кастрюлю из-под пельменей.

Я надеялся, что она пойдет, оценит мою реакцию, подумает. Поймет... Но нет, она пришла за мной на кухню, раскинув руки — прямо как Христос перед своими овцами!

— Ты не рад за меня? — спросила она удивленно, с печалью и недоумением.

— Рад, — ответил я, намывая уже и так блестящую кастрюлю.

— И это все?

Она смотрела на меня так, словно я нераскаявшийся грешник, который даже не понимает, что он согрешил.

— А что еще? — буркнул я.

Мне приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не разораться.

— Например, поздравить... — нерешительно предложила она. — Сказать, какая я молодец...

— А ты сама этого не знаешь? Обязательно надо, чтобы кто-то это сказал? — усмехнулся я.

Олеся закрыла глаза ладонью и отвернулась, но не заплакала. Она, видимо, судорожно искала какое-то оправдание мне. Придумывала, как бы объяснить себе мое поведение, чтобы все было «ладненько» и «миленько». Она — гений таких объяснений.

— Ладно, — сказала она, и ее голос звучал уже умиротворенно. — Извини... Я должна была как-то по-другому тебе это сказать. Прости.

Меня как огнем обожгло. Я понял, что за объяснение крутится у нее в голове. Она не стала изобретать велосипед. Взяла самую раздутую банальность из женских журналов...

Я повернулся и скрестил руки на груди. Мне было интересно, начнет ли она оправдываться за свою шаблонность. Или создаст внутри своей головы еще какую-нибудь маленькую ложь, которая чудненько объяснит все.

— Думаешь, я не знаю, о чем ты сейчас подумала? — мой голос прозвучал желчно и пронзительно. — Ты стоишь, смотришь на меня и думаешь: «Ну конечно! Какая же я дура! Как

же я могла прийти и вот так бестактно сообщить ему о своем успехе! Он ведь безработный, неудачник. Хотя и хорохорится, но внутри не может не переживать из-за этого. Просто со мной не делится. Это слишком больно для его самолюбия. А тут я со своим эфиром. Дура! Дура!» Так ты думаешь? Ведь так? Не отпирайся!..

Она глядела на меня огромными, полными слез глазами и отступала назад, словно боялась, что я ее ударю.

— Да как ты смеешь так обо мне думать?! — заорал я. — Я раскрывался перед тобой! Молился, чтобы ты начала меня понимать! А ты все это время считала меня идиотом! Тупым неудачником! Озлобленным. Который не может вынести твоего успеха и способен поднять на тебя руку?! Что ты закрываешься?! Что ты плачешь?! Что ты корчишь из себя жертву?! Прекрати играть со мной! Прекрати разыгрывать эту дешевую гляцевую пьеску! Ты небось уже видишь себя героиней идиотского ток-шоу! Рассказываешь о том, как полюбила ни на что не годного мужчину и как позволяла ему над собой издеваться из-за необыкновенной любви к нему! Ты дрянная актриса, Олеся! Ты для этого слишком дрянная актриса!.. Наконец ей стало некуда отступить. Она уперлась спиной в стену.

— Боже, что ты говоришь! — с ужасом прошептала она, глядя на меня со страхом и жалостью. — Послушай себя! Это же бред! Это неправда! Это не ты говоришь!

— Нет, Олеся, — я подошел к ней вплотную и уперся рукой в стену прямо на уровне ее лица, — это говорю я. Познакомься со мной наконец. Это не тот милый мальчик-мечтатель, которого ты себе выдумала. Это я! И я такой! И ты только сейчас это заметила! С кем же ты была все это время?

В этот момент ее слезы иссякли. Она подняла на меня глаза и перестала дрожать. Осторожно протянула руку и погладила меня по щеке. В ее взгляде уже не было страха, а только любовь и беспредельная жалость.

— Нет, — тихо, но уверенно сказала она. — Ты не такой. Не такой, каким хочешь казаться. Ты не злой и не жестокий. Я не знаю, зачем ты говоришь мне все это. Зачем пытаешься сделать больно. Может быть, ты чего-то боишься? Скажи мне. Мы вместе...

— Дура! — резко перебил я Олесю, оттолкнув ее ладонь. — Господи, какая же ты дура! Я отошел, сел на табуретку, упершись локтями в колени. Мне было интересно, что она предпримет теперь. Как сейчас будет объяснять себе происходящее.

Она дрожала. Ее глаза лихорадочно перебегали с моего лица на окно, потом возвращались, и снова. Она то и дело втягивала воздух, будто хотела что-то сказать, но никак не решалась. Она не могла понять причины... Она даже мысли не допустила, что я тоже человек! Что и у меня есть своя собственная воля, что и я могу совершать свои собственные поступки!

Она все молчала.

— Ты не понимаешь, почему я сержусь? — спросил я почти дружелюбно.

Олеся с радостью уцепилась за эту возможность помириться. И я уверен, подумала, что у меня просто-напросто приступ дурного настроения. Минутная вспышка моей вздорности, не более того. А моя общая раздражительность, разумеется, из-за моей фатальной жизненной неустроенности.

— Нет, — она отвернулась, чтобы вытереть слезы, и скорчила жалкую улыбку, которая выглядела ужасно нелепо на ее заплаканном лице. — Объясни мне... Пожалуйста! Я... я... даже не знаю, что и думать! Если я чем-то...

— Ты, ты, ты! — воскликнул я. — Всегда «ты»! Ты считаешь себя центром мира! Думаешь, что все происходящее как-то связано с тобой! Тебе в голову не приходит отказаться от своего «я» и подумать обо мне! Или хотя бы о нас! Для меня, с тех пор как мы вместе, слова «я» уже не существует! Я думаю и говорю только «мы»!

— Я... я... не понимаю... — пролепетала она едва слышно. — Прости... я не понимаю...

В этот момент у меня иссякли последние душевные силы. Я был опустошен, она выпила меня до самого дна. Ни критиковать, ни остановить эту нелепую пьесу, которую она так мастерски режиссировала, я уже не мог.

— Просто ты не хочешь понять, — устало сказал я.

И тогда я взглянул на нее — такую отстраненную, жалкую, живущую в плену своего эгоцентризма, — взглянул и к своему ужасу понял, что даже такую я ее люблю. Люблю.

— Прости, — хрипло сказал я, целуя ее в щеку. — Прости. Не знаю, как это вышло... Я не хотел говорить тебе всего этого. Мне ужасно больно на тебя кричать. Просто мне хочется, чтобы наши отношения оставались особенными. Не такими, как у большинства людей. Люди ведь только делают вид, что живут друг с другом. Делают вид, что друг друга понимают и слушают. На самом деле каждый сам по себе. Никому нет дела до чувств другого. И я ужасно боюсь этого. Я хочу, чтобы мы были с тобой одним целым. Чтобы все было по-настоящему! Олеся, я тебя так люблю! Мне иногда самому страшно, как сильно я тебя люблю!..

— Господи, Павел, зачем ты мне все это рассказываешь?.. Зачем? — прошептал Данила. — Это же просто невыносимо... Знаешь, если хочешь взорвать эту бомбу — взорви. Не тяни. Это невозможно слушать! Невозможно. Ты говоришь, что Бог — садист. Знаешь, если ты сделан по его Образу и подобию, то это действительно так.

— Защищаешь слабых? — ухмыльнулся Павел. — Сирых и убогих? Ну-ну... Давай. Валяй, Вижу, одного ты не понимаешь, Данила. Она не слабая. Нет. Она мне всю душу вынула, а ты говоришь — *слабая*. Нет, она не слабая. Нет. Я слабый...

— Ты — слабый, — отозвался Данила.

— И это я только сейчас понял, — продолжал Павел. — Надо было через свою любовь переступить, нужно было заставить себя. Бросить ее нужно было. Сразу, как только понял, что все ее чувства — только ложь, только приторная, просоленная искусственными слезами картинка, надо было бросить. Переступить...

— Через какую любовь? — Данила уставился на Павла с искренним недоумением. — Через какую любовь, Павел? Ты в своем уме?.. Ты же мучил ее! Мучил! О какой любви ты; говоришь?! О какой?! Ну неужели же можно так себя обманывать? Так врать себе — разве можно? А слабый ты просто потому, что ты слабый, и не из-за чего другого.

— Не понял... — Павел поднял отяжелевшие веки и с ненавистью посмотрел на Данилу. — Я сильный.

— Да ладно... — раздраженно бросил Данила, встал и прошел к окну, показывая всем своим видом, что не хочет более продолжать этот разговор.

— Нет-нет! — воскликнул Павел. — Это уже даже становится интересно! Я — слабый?! Слабый — «просто потому что я слабый»?! Ты *это* сказал, да?!

— Да, я это сказал, — ответил Данила и пригвоздил Павла немигающим взглядом. — Я так сказал. И про *волю* — это все ерунда. Нет в тебе никакой Печати. Нет. И не будет. Просто ты слабый, и все. А теперь хочешь — взрывавай свою бомбу ко всем чертям! Взрывавай.

— А люди?.. — прищурился Павел. — А люди-то — как? Не жалко тебе людей?

— Паша, — сказал Данила, прислонившись к оконной раме. — Дом пуст.

— Что?! — взвыл Павел. — Как пуст? Никто не выходил из подъезда! Я слежу! Как он может быть пуст?!

— В том-то все и дело, что не выходил. Пожарная лестница — она с той стороны дома, ведь так? — «уточнил» Данила.

— Не знаю, — рассерженно выкрикнул Павел и только в эту секунду спохватился: —

Пожарная лестница?! Вы вывели людей через пожарную лестницу?!

— Паша, мы с тобой уже почти два часа говорим, — устало произнес Данила и покачал головой из стороны в сторону. — За все это время ни один человек из подъезда не вышел. Ни один. И не вошел. Это может быть, как ты думаешь? Четырнадцать этажей... И ни одного человека за два часа! Конечно, эвакуировали людей. Спустили вниз и вывели через черный ход. А ты что думал, Гаптен будет ждать, чем тут наши с тобой переговоры увенчаются?.. Павел, у тебя близорукость. Во всем. Понимаешь?! Бли-зо-ру-кость...

— *Близорукость*, — Павел побледнел и непонимающе уставился на Данилу.

— Ты видишь только то, что хочешь видеть. А главного не хочешь понять, не хочешь или боишься. Страшно. Ведь если перестать отмахиваться от главного, если принять всем сердцем то самое важное, что есть у тебя в жизни, то уже нельзя будет жить как прежде. Тебе-прежнему предстоит умереть, а тебе-новому — родиться. Смерть и возрождение. Страшно. И всегда ты, Павел, главное пропускаешь, всегда... Устроил маскарад. И с Олесей — ужасный. И здесь, с этой бомбой. Просто глупо. Детский сад.

— Гадко, — сквозь зубы процедил Павел.

— Что *гадко*? — от удивления у Данилы взлетели брови.

— Я сказал, что только ты один. Я и ты. А вы все подстроили, вывели людей...

Данила тихо рассмеялся, закрыв лицо руками.

— Павел, мы здесь с тобой — один на один, как ты и хотел. Мы одни. Ты и я. Что еще?.. Ты плачешь?!

Павел плакал. Действительно, он плакал.

— Я думал, ты меня поймешь. Я думал, ты меня поймешь... — шептал он сквозь слезы и бессильно бил себя кулаками по голове. — Ты один... Потому что если не ты, то кто?.. Кто?.. И даже ты, даже ты не понимаешь, ничего не понимаешь... Ничего...

С момента того разговора прошло две или три недели. Олеся стала строже одеваться и уходить на работу раньше. Потом я узнал, что ее в самом деле повысили. Она стала программным директором, но не сказала об этом мне. Видимо, по-прежнему думала, что страдает мое самолюбие. Отвратительно. Своей уверенностью в ничтожности моих мыслей и чувств, своей ложью и недоверием она разрывала мою любовь к ней на мелкие клочки.

Однажды вечером она пришла сияющей и, улыбаясь, протянула мне бутылку вина.

— Что за праздник? — спросил я.

— Просто так, — ответила Олеся, продолжая улыбаться и бросать на меня загадочные взгляды.

— Говори, что случилось? — я обнял ее за талию, поднял и закружил.

Она рассмеялась.

— Ну так в чем дело? — я поставил ее и прижал к себе, поправляя выбившиеся из прически пряди волос.

Мы поцеловались, и она сказала, глядя ладонями мое лицо:

— Знаешь, у нас сейчас идет совместная акция с одним телеканалом. Они собираются делать телепроект. Интеллектуальное ток-шоу. У них много вакансий. От ведущего до сценариста. И я подумала, что тебе это может быть интересно. Ты много знаешь о философии, у тебя очень оригинальный взгляд... Ты бы мог попытаться. Я уже говорила с продюсером...

Я отнял ее руки.

— Ты, кажется, говорила, что любишь меня таким, какой я есть, — мои губы сложились в жесткую саркастическую усмешку.

Мне были не нужны ее оправдания. Я наперед знал все, что она скажет. Как она будет уверять в том, что все она делает исключительно ради моего блага. Что думает только обо мне.

И она сказала это. Все. Точь-в-точь. Слово в слово. Как дежавю.

Старательно подбирая слова, Олеся трепетно «оберегала» мое «уязвленное самолюбие».

— Мне, кажется, ты сможешь чувствовать себя увереннее... — нерешительно, словно ступая по тонкому весеннему льду, сказала она. — У тебя... м-м... появятся деньги на те книги, что ты хочешь купить...

— Если мне понадобится какая-нибудь книга, я могу взять ее в Публичной библиотеке, — ответил я с издевкой.

Неужели она не остановится? Неужели и дальше будет вбивать гвоздь за гвоздем в мое сердце?

— Извини, — она глубоко вздохнула, чтобы унять волнение. — Я понимаю, что это совсем не та работа, о которой ты мечтал, но... Но я подумала... Я подумала...

Она не могла найти слов. Ведь если она признается самой себе в истинных причинах своего поступка — образ ее «возлюбленного», который она так тщательно и так долго выкраивала внутри своей головы, с треском разойдется по швам.

— Хочешь, скажу это за тебя? — усмехнулся я. — Тебе стыдно за меня. Тебе дико стыдно перед твоими знакомыми, перед твоими идиотскими подругами, что твой мужик не зарабатывает денег! Что он не приезжает за тобой на крутой тачке. Что он не возит тебя в Париж на выходные. Впрочем, я даже думаю, что ты им и вовсе обо мне ничего не говоришь. Меня нет в твоих рассказах, ведь так?!

— Нет!.. — она выкрикнула это с такой болью, словно ее проткнули толстенной иглой.

— Да! Да! Да! — заорал я в ответ и с силой схватил ее за запястья. — Олеся, ответь себе на один вопрос — зачем я тебе нужен?! Зачем ты выдумываешь эти свои высокие чувства свою заботу?! Зачем ты врешь себе, что ты меня любишь?! Зачем?!

Она съежилась, словно я поливал ее кипятком из чайника. Я приблизился к ее лицу вплотную, сжал челюсти и заговорил тихо, отчетливо проговаривая каждое слово:

— Я ведь тебе только для секса нужен — да, Олеся? Только для секса. Ну так признайся себе в этом и прекрати врать. Ведь между нами больше ничего нет. Ни-че-го. Хватит меня «улучшать», хватит впихивать меня в «общий стандарт». Не надо искать мне работу. Не надо пытаться превращать нас в семью. Этого не будет. Никогда. Слышишь меня — ни-ко-гда.

Я буквально навис над ней. Она забилась в угол, сидя на корточках. Она уже не плакала, а тихонько выла. Казалось, разум оставил ее. Она отказывалась слышать. Отказывалась принимать правду о себе, потому что принять эту правду для нее было еще хуже, чем смерть.

Неожиданно она перестала плакать и поднялась на ноги. Ее лицо оказалось вровень с моим. Она посмотрела мне в глаза и нежно, с какой-то вымученной надрывной тоской, прижалась губами к моей щеке.

Потом медленно, шатаясь как пьяная, побрела к двери. Взяла сумку. Шелковый разноцветный шарф с ее плеч соскользнул на пол. Я как зачарованный глядел, как он падает.

Тихий хлопок двери заставил меня вздрогнуть и очнуться.

Она ушла. Не выдержала правды и ушла.

Олеся позвонила ночью. Голос был глухим, с какой-то странной самоубийственной решимостью.

— Нам нужно поговорить, — сказала она. — Послушай... Я все думала... Если ты меня больше не любишь...

— Я тебя люблю, — ответил я, наблюдая, как черные тени медленно плывут по белому потолку.

— Тогда... — она запнулась.

— Ты можешь сейчас приехать? — спросил я.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она и положила трубку.

Мы не виделись пару дней. Вечером в пятницу, словно ничего не произошло, Олеся приехала ко мне. Мы старательно делали вид, что все остается по-прежнему. Но это было не так. Я все ждал, когда же она скажет или сделает то, за чем вернулась. Когда начнет свою «работу над ошибками». Мне было интересно, до какой степени она может меня не понимать и как далеко зайдет в своем самообмане.

Наконец она сказала:

— У моей близкой подруги день рождения. В субботу. Завтра. Нас пригласили. Ты пойдешь?

Олеся спросила как бы между делом, не отвлекаясь от кулинарной книги, которую увлеченно листала, выискивая какое-нибудь новое блюдо. Мы с ней всегда вместе готовили ужин. Это был ритуал.

Я на секунду замер, потом продолжил чистить картошку. Так вот оно что. Теперь она хочет во что бы то ни стало познакомить меня со своими друзьями. И тем самым показать, что на самом деле меня ни капельки не стесняется. Что ж... Посмотрим, так ли это на самом деле.

— Почему нет, — пожал я плечами. — Давай сходим.

Она кивнула, а через пару секунд раздался ее протяжный выдох.

На следующий день она заехала за мной. Да, я забыл сказать — у нее появилась машина. Какой-то ужасный голубенький зверек по имени «Ситроен». Внутри него постоянно воняло чем-то приторно-сладким.

Я натянул джинсы и майку, одел грязные кроссовки и спустился вниз.

Она сидела за рулем. В платье. Я впервые увидел ее в платье. И в каком! Короткое, воздушное, бледно-розовое.

— Почему ты раньше никогда так не одевалась? — спросил я Олесю, поцеловав ее в щеку.

— Повода не было, — она пожалала плечами и улыбнулась.

Я понял, что ей стоит больших усилий не смотреть на те жалкие обноски, которыми прикрыто мое тело.

— Мне очень нравится, — сказал я. — Думаю, и раньше бы тоже понравилось.

— Ты о чем? — Олеся улыбнулась, немного нервно стрельнув глазами в мою сторону.

— Ну, если бы ты хоть раз одела такое платье раньше, то мне бы это очень понравилось.

— Просто обычно мне удобнее в джинсах, — быстро сказала она и тут же сменила тему, чтобы не дать мне ответить: — Я сегодня утром прочитала интересную статью. Там говорилось...

Она знала, о чем я подумал. Она понимала меня без слов, но никогда, никогда, не пользовалась этим «в мирных целях». Она очень умная. А подумал я вот о чем: ходить в платье Олесе неудобно, как она сама признается. И ради меня она ни за что не вылезет из джинсов. Я и так ее люблю. Иначе и быть не может. Такой неудачник, как я, должен прыгать от радости, что его хоть какая-то женщина любит. А уж если его любит Олеся... Но ради друзей, а точнее, подруг она стерпит любой дискомфорт. Оденет и неудобное платье, и ужасные колготки, от которых у нее зудит кожа, и натянет даже жесткое кружевное белье вместо своих обычных милых беленьких хлопковых комплектов.

— Знаешь, — задумчиво сказал я, — твоя жизнь похожа на витрину. Ты все время украшаешь ее, выставляешь «новинки»... Все напоказ, для других людей. А за этой блестящей витриной — темный и одинокий угол, где ты настоящая прячешься ото всех. Когда речь идет о других людях, ты направляешь к ним своего двойника. Правильного, красивого, умного, того, который «на уровне». Сама же остаешься в стороне. Но ты настоящая во сто крат прекраснее, чем твой витринный двойник. Не бойся быть собой.

Олеся бросила на меня быстрый взгляд, улыбнулась, но ничего не ответила. Я физически ощущал, как ей страшно. Она боится сказать или сделать что-нибудь «неправильное», отчего я снова «разозлюсь». Мне оставалось лишь по достоинству оценить ее храбрость. Ведь в представлении Олеси я как «прыгающая мина» — никогда не поймешь, где и почему рванет. Но она все равно повезет меня к своим друзьям. Лишь бы доказать мне, что ей совсем за меня не стыдно. Она не стесняется. Она меня любит.

По лбу Данилы пролегли три большие продольные складки.

— Тебе доставляло удовольствие видеть, как она страдает? — спросил он с болью в голосе.

— Никто не может заставить человека страдать, — безразлично ответил Павел. — Это его собственный выбор. Он может страдать, а может не страдать — это его дело. В ваших книгах так написано. Разве не помнишь? В «Учителе танцев»...

— Ты правда думаешь, что именно *это* там написано?

— А что, разве нет? — Павел недовольно повел плечами и фыркнул.

— Написано, — тихо прошептал Данила и отвернулся. — Но ведь дело не в том, что написано, а в том, что прочитано. И ты ведь, Павел, прочитал все правильно. Ты знаешь, что стоит за этими словами. Дух человека, поднимаясь над собственным страданием, над великой иллюзией безысходности, видит перед собой огромное пространство подлинного Бытия, в котором нет ничего, кроме Света, кроме Бога. И ты понял это, еще когда читал «Учителя танцев». Но в тебе живет ненависть, и то, о чем ты говоришь *сейчас*, то, как ты *сейчас* интерпретируешь эту фразу о страдании и личном выборе человека, — это ложь. И ты лжешь самому себе. Зачем?..

— Ты все еще думаешь убедить меня в том, что Олеся меня любила? — с отвращением в голосе спросил Павел.

— И опять ты врешь, — все так же тихо ответил Данила. — И ты сам это знаешь...

Мы подъехали к высокому новому дому. Остановились перед шлагбаумом. Олеся назвала человеку в будке свою фамилию и номер квартиры. Охранник сверил номера машины со своим списком и пропустил нас.

— Башня из слоновой кости, — весело улыбнулся я.

Олеся протянула мне огромный букет цветов.

— Ее зовут Люда, — она первый раз упомянула об имениннице.

Подарок Олеся решила вручать сама. Когда мы поднялись на нужный этаж, нам открыла девочка лет восьми.

— Здравствуйте, тетя Олеся! — прокричала она и умчалась с криком. — Мама! Мама! Там тетя Олеся! Она с каким-то...

Тут детский голос оборвался.

Люда оказалась женщиной среднего роста и среднего возраста. Ее средней длины волосы были выкрашены в средне-рыжий цвет.

Олеся расцеловала именинницу в обе щеки.

— Людочка, мы тебя поздравляем, — чмок, — счастья, — чмок, — здоровья, — чмок, — успехов...

— Спасибо, спасибо, — повторяла именинница, стараясь не очень сильно на меня коситься.

— Вот, — Олеся повернулась ко мне. — Познакомьтесь. Это Павел. Павел, это Люда.

— Здравствуйте, — я протянул ей цветы. — Очень приятно.

— И мне, — сказала она, а мне стало не по себе от ее взгляда. — Проходите.

В течение часа собрались и остальные гости — всего человек восемь. Я не запомнил ни

лиц, ни имен. Было невыносимо скучно. Все делала вид, что знает меня сто лет. Старались быть милыми. Пожалуй, даже слишком.

— Ты, наверное, очень большой начальник? — тихо шепнул я Олесе.

Она снова мягко улыбнулась и погладила меня по руке. Я почувствовал ее напряжение.

— А что, Кира не придет? — вдруг спросила она Люду.

Та взмахнула руками, изображая неведение.

— Ты же понимаешь... — многозначительно сказала она, картинно вывернув кисть.

— Кто это — Кира?

Олеся недовольно поморщилась и уже открыла рот, чтобы сказать: «Так... Это не интересно» — но Люды тут же затараторила:

— Ой, это одна наша журналистка. Они с Олесей вместе учились, Олеся привела ее к нам работать. Теперь ужасно жалеет. Я ей все время говорю: «Да уволь ты ее!»...

— Люда... — Олеся попыталась ее остановить, но та отмахнулась, будто не видит.

— Вот как? Ты уже можешь увольнять? — я удивленно приподнял бровь. — Люда, вы знаете, Олеся такая скромная, она мне ничего не рассказывает! Она что, уже ваш начальник?

— Ну ты даешь! — Люда слегка хлопнула Олесю по коленке. — Ты что же, вообще ничего Павлу не рассказываешь?

— Неудобно... Зачем... — по лицу Олеси пошли красные пятна.

— Не скромничай, — остановила ее Люда. — Знаете, когда она только пришла к нам, я сразу поняла — у нее большое будущее. Тогда, правда, ее директором был Виктор и от меня очень мало чего зависело. Но после того как наш генеральный его уволил и назначили меня, я сразу сделала Олесю программным директором. Но сейчас она уже фактически полностью освоила и коммерческую часть. Вы знаете, как ее любят рекламодатели?

— Люда, перестань! — с отчаянием почти крикнула Олеся.

— Почему? — Люда мастерски изобразила недоумение.

Я видел, что она завидует Олесе. Завидует ее внутренней силе. Завидует, но помогает, чтобы Олеся была ей благодарна, чтобы зависела от нее. Олеся добьется успеха и без ее помощи, но Люда не может этого допустить.

Звонок в дверь прервал этот фарс.

Люда пошла встречать очередного гостя. Олеся схватила меня за руку.

— Я хотела тебе сказать...

— Понятно, — кивнул я и встал. — Пойду покурю.

— Паша! — Олеся дернулась следом за мной, но несколько пар любопытствующих глаз пригвоздили ее к месту.

Я направился к входной двери, чтобы выйти на лестницу. Миновав комнату и длинный коридор, вдруг нос к носу столкнулся с маленькой щупленькой девушкой. Ее голова напоминала застывший взрыв. Черные волосы с ярко-альными прядями торчали во все стороны, обрамляя густо раскрашенное личико капризного ребенка.

Черные тени вокруг глаз, яркая помада, толстый слой пудры — неудачная попытка скрыть неровную, изъеденную угревой сыпью кожу. Она была одета в чудовищное — черное с красными блестками — короткое платье.

Незнакомка устала на сигареты в моих руках.

— Ты курить? — спросила она, и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я с тобой. Что за идиотизм? Еще три года назад можно было курить во всех квартирах. А теперь нет. Все вдруг стали пить травяные чай и жрать соевую пасту.

Появилась Люда. Увидев сигареты, она укоризненно покачала головой:

— Ай-яй-яй! Вас проводить? — спросила она и, не дожидаясь ответа, повела нас через кухню на балкон. — Кстати, познакомьтесь. Это Кира, — показала она на девушку. — А это Павел, — тут она понизила голос и заговорщицким тоном сообщила: — Тот самый загадочный молодой человек Олеси.

Кира уставилась на меня так, словно речь шла о пришельце с другой планеты.

Мы вышли на огромную лоджию с панорамным видом, обставленную как летняя веранда — с плетеной мебелью и огромными фикусами в кадках.

Я щелкнул зажигалкой. Кира прикурила с грацией привокзальной проститутки, грохнулась в плетеное кресло и закинула ногу на ногу.

— Н-да... — сказала она, оглядывая меня с ног до головы. — Вот уж никогда бы не подумала... Была уверена, что ты правильный очкастый зануда на «Вольво». Один из тех, что даже на пляж приходят в галстуке. А ты ничего. Даже на человека похож.

— Спасибо, — я повернулся к Кире боком и оперся на балконный парапет.

— Сдохнуть можно, как стало скучно жить, — продолжала она свой монолог, сбросила туфли и положила ноги на столик. Короткое платье задралось настолько, что стали видны кружевные резинки чулок. — Ужасно натирают... Ненавижу туфли. Слушай, а где вы с Олесей познакомились? Мне просто интересно, где это в принципе вообще могло случиться.

— На улице, — коротко ответил я, решив опустить подробности нашего с Олесей школьного знакомства.

Кира удивленно вытаращилась на меня, выпуская дым вверх.

— На улице? — переспросила она и усмехнулась. — Черт, чем дальше, тем интересней... Ничего, что я тебя об этом спрашиваю?

— Я похож на человека, который из вежливости будет отвечать на неприятные ему вопросы?

— Нет, не похож, — Кира уставилась на меня странным долгим взглядом. Потом стрельнула окурком так, что тот полетел далеко за бортик лоджии. — Ну что, пойдём к остальным? Посидим с этими занудами?

Когда мы вернулись в гостиную, на Олесе просто лица не было. Она смотрела на меня так, словно умоляла не убивать ее.

— Клевый у тебя бойфренд, — бросила ей Кира и села за стол прямо напротив нас.

Олеся едва заметно кивнула.

Я сел и молча принялся есть, время от времени поглядывая на свою новую знакомую. Она деловито складывала в свою тарелку съестное. Быстро образовалась целая гора, которую она поглощала с такой скоростью, словно боялась, что у нее отберут, если она не уложится в норматив.

Олеся положила руку на мое колено. Я повернулся к ней и подмигнул. Ее рука чуть заметно дрогнула.

За столом тем временем шел оживленный разговор. Гости обсуждали, кто куда поедет в отпуск, делились советами и впечатлениями. Громче всех говорила Люда:

— Ой, Марокко — это такая сказка!..

Я зевнул. Кира заметила это и странно улыбнулась.

Олеся сняла руку с моего колена и взяла бокал с вином.

— Ты же за рулем, — заметил я.

— Вызовем такси, — махнула она рукой и нервно рассмеялась. — Налей мне еще...

Ты изменил ей? — тихо спросил Данила. — Изменил Олесе?

— Да, — спокойно ответил Павел.

— Тем же вечером?

— Да.

— С Кирой?

— Да, — в третий раз повторил он.

— Думаешь, наказал? — спросил Данила.

— Наказал — ответил Павел, и мускульные желваки прокатились по его скулам.

— И доказал себе, что свободен, да?

— Да.

— Воля, — Данила сжал пальцами виски.

— Доказал, — сказал Павел, и снова те же желваки побежали по скулам, та же непримиримость блеснула во взоре.

— Господи, Павел... — Данила откинулся на спинку стула и с удивлением смотрел на него. — И ты скажешь, что тебе не жалко своей собственной жизни?

— А что?.. — гневно выкрикнул Павел. — Что ты заладил? Почему мне должно быть жалко собственной жизни? У меня такая жизнь, как я хочу. Я свободен. Я живу так, как считаю нужным! И пусть мне тяжело, да. Но для этого и нужна сила. И она у меня есть. У меня есть *воля* — свобода силы и сила свободы! И это не физическая сила, не сила традиции или закона. На моей стороне нет никого и ничего, кроме меня самого. Это моя сила. Почему же я должен жалеть собственную жизнь? С чего?!

— Но как с этим жить... *потом*? — прошептал Данила. — С этим нельзя жить...

— А что такого особенного в измене? — Павел сделал вид, что он вообще не понимает, о чем говорит Данила. — Вот у тебя была девушка, ты ей не изменял? Или, может быть, даже не хотел? И только не надо мне врать! И про мораль мне тоже ничего неинтересно. Мораль — самая большая ложь, ложь в кубе.

— Ты что, вправду не понимаешь? — Данила прищурил один глаз, словно в одну секунду потерял зрение.

— А что я должен понимать? — Павел отвел глаза и нервно заерзал на диване. — Что?!

— Ты ей не просто изменил, ты ей душу... — Данила не смог договорить, выражение отчаяния промелькнуло в его глазах.

— Кто как любит, тот так и получает, — зло ухмыльнулся Павел и, как-то странно вытянув шею, продолжил рассказ.

Вечеринка постепенно становилась все более и более расслабленной. Музыка стала громче. Кто-то начал танцевать. Олеся, уже довольно нетрезвая, сидела на диванчике с Людой и финансовым директором. Они что-то оживленно обсуждали.

Я остался один. И вдруг моего плеча кто-то, тихонько коснулся. Кира.

— А давай уйдем отсюда, — хрипло прошептала она мне в самое ухо. Голос был пьяный. — По-английски. Все решат, что мы пошли курить на балкон, а когда хватятся — нас уже нет.

Она мелко захихикала и добавила:

— Представляешь, какие у них будут рожи? Мне вдруг тоже стало смешно. Я молча встал и вышел следом за Кирой в коридор. Быстро, словно воры, мы похватили свою обувь, выскочили за дверь и понеслись вниз по лестнице, не дожидаясь лифта и едва сдерживая идиотский смех.

Пробежав пару этажей вниз, вызвали лифт. Когда он приехал, ввалились внутрь, тяжело дыша и бесконечно радуясь собственной проделке. Кира оказалась близко-близко ко мне, потом вдруг схватила за шею и, притянув к себе, жадно впиалась в мои губы. Это был самый злой и агрессивный поцелуй в моей жизни.

— Предлагаю зажечь по-настоящему, — хрипло сказала она.

Потом отстранилась от меня и натянула черные кроссовки, которые дико контрастировали с ее платьем. Туфли она бросила в свою огромную заплечную сумку.

Мы выскочили из подъезда. Кира схватила меня за руку и потащила вдоль стены, показывая вверх:

— Еще заметят. А нам ведь это не нужно, правда?

Оказавшись на улице, она побежала к дороге и замахала рукой, тормозя машину.

— Слава богу, — выкрикивала она, — еще не все в этом городе превратились в зализанных фитнес-зомби. Есть места, где можно оторваться! Ты читал Чака Паланика? Я его обожаю! Он сказал, что самосовершенствование — это мастурбация. Саморазрушение — вот где настоящий кайф!

Следующие два дня прошли в угарном бреду. Я очнулся ранним утром в постели дома у Киры. Проснулся от ее диких раздраженных воплей.

— Черт! Я опаздываю! Как же я опаздываю! — орала она, носясь туда-сюда по комнате и хватая разбросанные на полу вещи. Заметив, что я проснулся, она бросила мне джинсы. — Поднимайся! Уже десять часов! У меня через полчаса эфир! У тебя есть деньги? Деньги есть?!

Я полез в карман джинсов, вытащил кошелек. Там было совершенно пусто. Даже мелочь отсутствовала. Потряс кошельком в воздухе, показал его Кире и упал обратно на подушку.

Она издала очередной вопль с нецензурной бранью и умчалась на кухню. Похоже, звонила кому-то.

Я с трудом перевернулся набок и приподнялся на локте, оглядываясь вокруг. Это была малогабаритная однокомнатная квартирка. Настолько грязная, что, казалось, здесь этой ночью был пожар. Повсюду валялись вещи вперемешку с грязными тарелками и пепельницами, полными окурков. На столе у окна громоздились пустые бутылки и... лежало два шприца.

События выходных медленно всплывали в памяти. Мы приехали в какой-то маленький клуб, устроенный где-то на окраине города в подвале продуктового магазина. Внутри было ужасно тесно, дымно и грохотала жуткая хаотичная музыка. Потом мы пили водку, а потом...

Я ничего не помнил. Посмотрел на свою руку и увидел несколько дырок в вене.

— Что ничего не помнишь? — усмехнулась Кира.

Она тяжело плюхнулась рядом,

— Нет, — я перевернулся на спину и прикрыл глаза рукой.

— Еще бы... — проворчала она. — Поздравь меня. Твоя Олеся только что турнула меня с работы. Все-таки она редкая... — Кира выругалась. — Не волнуйся, я ей не сказала, что ты здесь. Можешь наплести ей все, что вздумается.

— Что-то было? — спросил я, не глядя на Киру.

Она сунула руку под кровать. Поискала там что-то, нашла пачку «LM», устало повертела ее в руках и вытащила сигарету зубами.

— Нет, — ответила Кира, чиркнув зажигалкой. — Сначала мы ужрались как свиньи, потом еще наширялись. Как не сдохли только, ума не приложу. Здоровье, видать, лошадиное. Ничто его не берет. На!

Она подняла с пола и бросила мне мобильный. На экране высветилась куча пропущенных вызовов и сообщений.

— Олесюля с ума сходила, — зло хихикнула Кира.

Действительно, все звонки были от Олеси. Я машинально стал читать сообщения, начиная с последнего;

«Где же ты? Я с ума схожу! Обзвонила все больницы, все морги! Где ты? Я мечусь по твоей квартире как тигр в клетке! Ушел, ничего не сказал! Мне уже все равно, с кем ты! Просто дай

знать, что с тобой все в порядке!»

— Похоже, она две ночи не спала, — сказала Кира с едким злорадством. — Голосок у нее сейчас был почти как у нас с тобой. Ты бы ей позвонил, что ли? Она, поди, уж думает, что тебя и в живых нет.

Я отложил телефон. «Мне уже все равно, с кем ты!» Олесья по-прежнему считала меня чем-то вроде домашнего животного. Нет! Она не унижится до ревности к кому-то. Ни за что не слезет со своего пьедестала к простым смертным.

Усмешка сама собой коснулась моих губ. Я взял Киру за локоть и притянул к себе...

— Проверял? — как-то странно спросил Данила.

— Что проверял? — Павел непонимающе уставился на него.

— Проверял, насколько далеко можешь зайти, — тихо ответил Данила. — Проверял, насколько сильно она тебя любит, какую боль сможет выдержать... Эксперимент над человеком.

— Над Кирой? — Павел недоуменно поднял бровь.

— Нет, над Олесей.

Павел тихо расхохотался. Нет, это был не смех. Это был именно тихий хохот. Его сотрясали приступы злого, наигранно циничного, но в то же время бессильного, пустого, испуганного смеха.

Я вернулся к себе домой только к вечеру. В квартире — идеальная чистота и порядок. Похоже, Олесья, чтобы хоть как-то скоротать время томительного ожидания, устроила генеральную уборку.

— Гениально, — сказал я, глядя на ряд ослепительно чистых тарелок в сушилке.

Олесья строчила нервные SMS-ки и одновременно спокойно расчищала свою *территорию*. Блеск! До какой же степени «своим» она меня считает?

В замке повернулся ключ. Олесья, в измятом деловом костюме с огромным портфелем в руках, замерла на пороге.

— Господи, слава богу! — воскликнула она и бросилась ко мне.

Порывисто обняла.

— Где... где ты был? Я... я... — она заплакала. — Прости... прости...

Я вынул руки из карманов, погладил ее по голове и сказал с мягкой улыбкой:

— Вижу, ты убрала квартиру.

— Что? — она перестала плакать и подняла на меня удивленные глаза. — А, квартиру... Да... Просто не знала, чем себя занять.

— Так ехала бы домой, — таким же ровным, приторно сладким голосом продолжал я. — Убирала бы свою квартиру. Тебя кто-нибудь просил убирать у меня?

Олесья отступила назад и впервые за все время слегка нахмурилась.

— Когда же ты поймешь? — заговорил я. — Мне не надо от тебя никаких жертв! Не надо жертв, Олесья. Прекрати превращать меня в монстра! Ты же упиваешься своей ролью! Посмотри на себя!

Она отступила еще, потом устало села на табуретку у двери, закрыв уши руками.

— Где ты был? — спросила она тихо.

— Ты писала, что это не имеет значения, — сказал я, показывая телефон.

— Ладно, — она прислонилась к холодной стене. — Не хочешь — не говори. В самом деле, какая теперь разница...

— Я был у Киры.

Олесья даже не повернула головы.

— И что теперь? — спросила она. — Ты теперь с ней?

— Я что, по-твоему, эстафетная палочка, которую вы можете друг другу передавать? — мне стало гадко от того, как устроена ее голова, по какому чудовищному шаблону текут Олесины мысли.

— Просто спросила, — пожала плечами Олеся и повернула ко мне лицо.

Оно не выражало ничего, кроме смертельной усталости.

И тут меня как прорвало: — Я свободный человек, я не твоя собственность! Я тебе ничего не должен! Как и ты мне! И если у меня возникает случайный секс на стороне, я не чувствую никаких угрызений совести, потому что ни у кого нет права на другого! Ни у кого не может быть права собственности на другого человека!

— Ты спал с ней? — спокойно спросила Олеся.

— Да, — ответил я.

Она встала, повернулась, взялась за ручку двери, но не открыла. Остановилась, прижалась лбом к дверному косяку и тихо рассмеялась. Она одновременно смеялась и плакала.

— Знаешь... — сказала она, — я часто представляла себе, как ты это скажешь. Как все закончится... Но никогда не верила. Я так привыкла к этой фантазии, что сейчас... я тебе не верю! Мне все кажется, что это просто кошмарный сон. Очередной кошмарный сон Олеси. Сейчас она проснется, и ничего этого нет. Слушаю тебя и не верю, что это ты говоришь. Я уже ничему не верю. Не понимаю, сплю или нет. Все как в бреду...

Я медленно стянул майку. Кира занималась сексом как кошка, кусаясь, царапаясь. От ее поцелуев на моем теле остались сине-черные синяки.

Олеся медленно повернула голову, взглянула на меня и вдруг прыснула со смеху. А потом расхохоталась в голос. У нее началась истерика. Она показывала на меня пальцем и ржала как сумасшедшая.

— Прекрати! — крикнул я. Но она продолжала,

Я бросился к ней и заорал:

— Я тебя больше не люблю! Ты не понимаешь?! Уходи! Ненавижу тебя! Ненавижу! Я свободный человек! Я не твоя игрушка! Нет! Я больше не буду играть в твоём спектакле! Я свободен! Свободен! Свободен!

Олеся перестала смеяться, посмотрела мне в глаза и сказала:

— Если ты идешь на поводу у своих желаний — это еще не свобода, — и снова повернулась к двери.

Я схватил ее за плечо и с силой развернул к себе.

— Что ты хочешь этим сказать? А! Кажется, мне ясно. Очередное удобное объяснение из глянцевого журнала, не так ли? Мол, все мужики кобели и так далее. Они думают одним местом, да? Так ты думаешь? Да? Да?!

Она резко сделала шаг вперед, явно желая что-то сказать, но слова так и не сорвались с ее губ. Ставший было жестким взгляд смягчился. Она смотрела на меня... с жалостью. Гениальный ход! Даже сейчас Олеся не сдалась и с блеском решила задачку. Мысленно она превратила меня в маленького, неразумного зверька, которого поманили сахарком, и он побежал.

Я физически ощутил липкую паутину ее мыслей. Она смотрела на меня не моргая, демонстрируя силу и «моральное превосходство». Я виноват, но она меня прощает. Я виноват, а она меня прощает!.. Гениально!

Моя рука сама взметнулась вверх и опустилась на ее лицо.

Олеся схватилась за щеку. Наверное, собаки, которых везут усыплять, смотрят на своих хозяев такими же глазами, как она смотрела на меня в тот вечер.

Когда Олеся ушла, я глубоко вздохнул. Теперь я был свободен. Действительно свободен.

Теперь она уже точно никогда, ни при каких условиях не сможет считать меня своим. Никому и никогда не выдумать лжи, способной «объяснить» этот мой поступок.

В тот вечер я торжествовал, решив, что разрушил Олесину ложь до основания, что поставил ее перед зеркалом и заставил увидеть саму себя в истинном свете.

— Освободился? — спросил Данила, пристально глядя на Павла.

— Да, освободился, — ответил тот и как-то очень быстро отвел глаза в сторону.

— А сейчас эта дура рванет, — Данила устало кивнул в сторону шкафа со взрывчаткой и детонатором, — мы и вовсе освободимся... Так?

— Освободимся, — огрызнулся Павел.

— Пустая у тебя какая-то свобода получается, — Данила сокрушенно замотал головой. — Пустая. Пустая и бессмысленная. И даже не свобода, а бегство. И не воля, а паника. Страх.

— Почему это? — насупившись больше прежнего, спросил Павел и заерзал на месте. — Какой страх?!

— Олеся сказала тебе: «Следовать своим желаниям — это еще не свобода». А я знаешь, что скажу?

— Что? — кисло, одной половиной рта улыбнулся Павел.

— Следовать своим желаниям — это еще не свобода. Но идти вопреки своим желаниям — это, Павел, настоящее рабство.

— Вот я и не иду вопреки своим желаниям, — Павел уставился на Данилу.

— Не идешь? — удивился тот.

— Нет.

— Совсем-совсем? — Данила почему-то улыбнулся.

— Совсем-совсем» — проскрежетал Павел, чувствуя какой-то подвох в его словах. — А чему ты улыбаешься? Да, это так!

— Больше всего на свете, Павел, ты хочешь, чтобы тебя любили, — спокойно и уверенно сказал Данила. — Больше всего на свете. Все, что ты рассказываешь, — это бесконечный, призывный, душераздирающий плач. Я слушаю твой рассказ и слышу одну-единственную, повторяющуюся рефреном фразу: «Меня не любят. Как же я несчастен! Меня не любят. Как же я несчастен! Меня не любят».

— И?! — гневно прокричал Павел.

— Не «и», а «но», — поправил его Данила. — Но — ты ужасно боишься. Ты боишься любви. Ты боишься довериться любви, жить своим чувством, принадлежать другому человеку. Тебе кажется, что если ты полюбишь или если тебя полюбят, ты станешь *слабым*, уязвимым, зависимым. Тебе кажется, что это «немужественно» — любить, «немужественно» — благодарить за любовь, «немужественно» — быть открытым и искренним...

— Что за бред?! Что это за слюнявый бред?! — заорал Павел.

— А разве не так? — пожал плечами Данила. — Павел, разве не так? Разве не этого ты боишься? Разве не этого хочешь?..

— Чего?! — кричал Павел. — Чего я хочу?! Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь! Я отказываюсь понимать эту чушь! Это бред!

— Нет, Павел, это не бред, — прежним уверенным голосом продолжал говорить Данила. — Ты хочешь, чтобы тебя любили. Любили искренне, всем сердцем, по-настоящему, именно тебя, а не твои бесконечные маски и позы. Да, Павел, в этом правда. Ты мечтал о любви Олеси, тебе нужна была ее любовь — больше всего на свете, больше жизни.

— Нет!!!

— Не отпирайся, это просто смешно... Ты не на свободе, ты в рабстве. Ты — в рабстве,

потому что ты боишься самого главного своего желания. Ты мечтаешь любить и быть любимым, но тебе стыдно, неловко, страшно. Это противоречит всем твоим теориям, твоей такой патетической философии. И если в какой-то момент жизни ты признаешься себе в этом желании, от твоего собственного представления о самом себе камня на камне не останется...

— Ерунда! Ерунда! — кричал Павел и от бессилия хватал себя за волосы. — Замолчи немедленно! Замолчи!

— Нет, Павел, не замолчу, потому что это не ерунда, — Данила был непреклонен. — Ты говоришь, что в тот вечер поставил перед зеркалом Олесю. Заставил ее увидеть саму себя в истинном свете. Но, Павел, давно ли ты сам стоял перед зеркалом? И если да, то кого ты там видел?

— Прекрати это немедленно, или я сейчас все здесь разнесу к чертовой матери!!!

— А я скажу тебе, Павел, кого ты видишь в зеркале...

Павел заткнул уши и начал орать. Его страшный, душераздирающий крик минутами превращался в надрывный вой. А то вдруг становился воплем отчаяния, негодования, скорби. Состояние Павла напоминало предсмертную агонию. Он вскочил с дивана, метался по комнате, крушил мебель, разбивал и ломал вещи. Мы замерли у экрана, перестали дышать.

Одно его неловкое случайное движение, и кнопка пульта на его запястье сработает. А тогда все... Конец. Смерть.

Но вдруг Павел остановился, странно посмотрел на Данилу — с неподдельной и невыразимой тоской, болью, мольбой, может быть. И заговорил — быстро, глотая слова...

Прошло несколько недель. Кира, как Вергилий Данте, вела меня все глубже и глубже в ад. Круг за кругом, круг за кругом. Целые цепочки дней исчезали, стирались из моей памяти. Я не помнил ни мест, где мы подолгу «зависали», ни количества выпитого спиртного и употребленных наркотиков.

Время от времени я просыпался от этого бесконечного кошмара и обнаруживал себя в самых неожиданных местах. То на старом грязном матрасе в подвале какого-то дома, то на чьей-то полуразвалившейся даче за сто километров от города, то на грязном полу клубного туалета.

Это был ад. Мерцающий холодными огнями ад. Я помню странный свет лазерных прожекторов. Видимо, мы забрели в какой-то клуб. Красные, похожие на очередь из трассирующих пуль, лучи пронизывали клубящийся никотиновый туман. В нем всплыло насмешливое лицо Киры.

— Не парься ни о чем, ты же решил умереть, — сказала она. — С каждым днем ты все ближе и ближе к своей цели. Еще пара недель без жратвы, на одной выпивке, и ты сдохнешь. Надеюсь, ты будешь в сознании. А то как-то обидно — проспать осуществление мечты всей своей жизни.

— Где мы? — спросил я, силясь удержать разомкнутыми тяжелые веки.

— Да какая разница! — отмахнулась Кира. — На!

Она сунула мне под нос пластиковый стакан с пивом.

Я молча взял и стал жадно пить. Сквозь грохот музыки доносился голос Киры, надсадно втолковывавший кому-то:

— Лучше заживо сгнить по собственной воле, чем превратиться в один из тех ходячих трупов, что называются «нормальными людьми»!

Или я сам это говорил? Я не понимал и не помнил. Кира была моим двойником. Она говорила то же, что и я. Она думала о том же, о чем и я. Она стала моим голосом.

Про Олесю я специально не вспоминал, но она всегда присутствовала в моем сознании. Иногда мне виделось ее спокойное лицо. Иногда казалось, что все это сон и сейчас я проснусь, а она будет рядом.

Пару раз я называл Киру Олесей. Кира не обижалась. Странно. Она пила и кололась вместе со мной, но всегда оставалась в сознании. Я ни разу не видел ее валяющейся без сознания или хотя бы просто спящей. И еще я не знал, откуда у нее деньги. Ни она, ни я не работали, и взяться им теоретически было неоткуда.

Только потом я узнал, что моя квартира продана, а я бомж.

Так прошло еще какое-то время. Сколько точно, я не знаю.

Мы опускались все ниже и ниже, в прямом смысле этого слова. Клубы остались где-то позади, как огни маленького городка, через который проезжаешь ночью на поезде. Теперь

вокруг нас были только грязные вонючие притоны, наполненные странными существами, которые больше походили на персонажей из фильмов ужасов, чем на людей.

— Ад находится на земле, — убежденно говорила Кира (или я сам это говорил?). — Хуже этого мира нет. Посмотри вокруг. Посмотри на нас самих. Если хоть кто-то докажет мне, что может быть хуже, я покрещусь!

Она зашлась своим резким гнусным хохотом.

— Представляешь, сегодня по радио сказали, что человеку, который прошел крещение, прощаются все грехи. Можно крупно надуть Бога! Покреститься перед самой смертью, и чтобы в жизни ни делал, хоть ты серийный убийца, хоть военный преступник, — тебя будут вынуждены пустить в Рай. Такой порядок. Ну не глупо ли? Я уверена, что Бога нет. А если Он и есть, то Он, во-первых, самый большой кретин из всех, кого я знаю, а во-вторых, Ему на нас давным-давно плевать. Хотя, может, когда-то Бог был и ничего, а сейчас состарился и впал в маразм. Такое бывает...

Ее бесконечный бессмысленный бред звучал каждый раз, когда я приходил в сознание. Я привык к нему как к звуку телевизора или своему собственному внутреннему голосу. И каждый раз, открывая глаза, слушая ее нелепые глупые бредни, я понимал, что Кира права. Права! Да!

Вокруг нас действительно был ад. Мы жили в аду... Нет, это было даже хуже, чем ад! Наркоманы и алкоголики. Сумасшедшие и бездомные, бывшие зэки. Одичавшие, сбившиеся в безжалостные стаи, брошенные на произвол судьбы дети. Все они — от мала до велика — граждане параллельного мира, другой страны, находящейся под ногами «нормальных людей». Они — похороненные заживо в братских могилах живые мертвецы, выбравшие «свободную смерть», но не мгновенную и красивую, а грязную, медленную и мучительную. Они еще люди, но в них уже нет ничего человеческого, они населяют городскую канализацию, старые, оставшиеся с военных времен блиндажи и бомбоубежища, подвалы заброшенных домов, недостроенные законсервированные тоннели метро, вентиляционные шахты. Они есть везде, где можно найти кров и хоть какое-то тепло.

Каждый день мне приходилось слушать истории чужого падения. И одно это уже было невыносимо! Дети, спокойно и лаконично рас-(называющие, почему жить лучше в канализации, чем дома. Старики, выброшенные на улицу. Дурачки, которых оборотистые люди оставили без угла. Бесконечные истории одиночества, голода, побоев, издевательств! Они до сих пор не дают мне спать. Я закрываю глаза и вижу перед собой семилетнюю девочку, которая руками роет землю и сгребает ее в холмик.

«Кого ты хоронишь? Куклу?» — спрашиваю я.

А она отвечает мне: «Своего младшего брата».

Я не могу поверить: «Отчего он умер?»

И слышу будничным, без всякой скорби ответ: «От голода».

— Данила, все это происходит в обычном, «нормальном» мире! — глаза Павла блестели как у больного, горящего в лихорадке. — В том, который вы хотите спасти! Но ради чего? Я читаю о вас, я думаю о вас и не могу понять — ради чего вы спасаете этот мир?! Ты можешь мне ответить?! Я хочу понять. И поверь мне, если я услышу от тебя ответ, если ты сможешь мне это объяснить, случится самое большое чудо, Данила! Самое большое! И тогда уже я поверю во что угодно! Я поверю каждому твоему слову! Каждому! Но если ты не ответишь, если не объяснишь... Какое есть у тебя право судить меня?! Какое?!

— Я не собираюсь тебя судить и не сужу, — тихо ответил Данила.

— А-а-а, понял, ты хочешь мне помочь! — ехидно воскликнул Павел. — Точно! Конечно! Я совсем забыл! Помочь слабым и убогим. То есть — мне! Конечно!

— И я не хочу, чтобы ты верил моим словам, — добавил Данила, словно бы он и не слышал

оскорбительных слов Павла в свой адрес.

— Не хочешь?! — расхохотался Павел. — Так чего же ты хочешь, Данила?!

— Я хочу, чтобы ты поверил себе, — сказал Данила. — Только себе.

— Себе?! — продолжал хохотать Павел. — Да я верю, верю! Я тебе не верю! Ты говоришь мне, что я вижу вокруг себя ад, а на самом деле, мол, ада нет. Но я был там, Данила! Мне не привиделось! Ты говоришь мне, что я что-то сделал неправильно в отношениях с Олесей, что я такой-растакой подлец. А что в этом мире, Данила, сделано правильно?! Скажи мне! И кто самый большой подлец в этом мире, если не сам этот мир?! Или не Бог, если Он вообще существует?!

— Я хочу, чтобы ты поверил себе, — четко и спокойно повторил Данила. — Не мне. Себе.

Павел ничего не ответил. Он долго смотрел на Данилу. Казалось, у него внутри что-то шевельнулось, дрогнуло,

— Я верю себе, — неуверенно сказал он через какое-то время.

— И несмотря на это твое пари с Богом продолжается? — грустно улыбнулся Данила, вопросительно глядя на Павла без укора или злости. — Ты думаешь, такое возможно?

Павел поднес обе руки к лицу, сжал их в замок и совершенно машинально, как сомнамбула, сделал два шага по комнате.

Мы обосновались в одном из многочисленных подземелий *того мира*. Кира время от времени уходила «наверх», а я просто лежал «внизу», я никуда не хотел идти. Это была нижняя точка. Упасть ниже уже было нельзя.

— Я здесь добровольно, это мой выбор... — не помню, кто это говорил, я — Кире или она мне.

— Лучше сдохнуть здесь, чем идти в ногу со всеми, — отвечал то ли я, то ли она. — И чем они — те, что сверху, — лучше нас?..

И тут я помню, как открыл глаза и произнес:

— Почему мы никак не можем умереть? Мы уже давно должны были сдохнуть. Отравиться, замерзнуть. Почему мы не умерли, почему нас все еще не убили...

— Ты про Каина знаешь? — Кира прикурила какую-то странную самокрутку, потому что денег на сигареты уже давно не было. — Он тоже все никак не мог умереть. Хотел и не мог. Его Бог осудил жить. Но мы будем бороться... Думаю, Бога можно одолеть, если очень постараться.

Потом я снова провалился в забытие, а когда очнулся от дикого холода, Киры рядом уже не было. Я попытался заползти глубже под горячую трубу. Не помогло. Меня все равно трясло, словно на тридцатиградусном морозе. Суставы ломило, и чем дальше, тем сильнее. «Ломка!» — это страшное слово вспыхнуло в голове.

Я принимал наркотики и раньше. Но никогда не делал этого регулярно. В какой-то момент мне стало даже казаться, что наркозависимость — это миф. После нашего безумного самоубийственного марафона я почти уверился в том, что со мной ничего подобного никогда не случится. Я просто стремился к свободе, а если не получится, то хотя бы к смерти...

Но ломка означала две вещи — я не умер и я больше ничего не решаю. Наркотики решают вместо меня.

Я тогда вспомнил слова Олеси: «Если ты идешь на поводу у всех своих желаний — это не свобода». Они прозвучали у меня в ушах. Ее ясный, чистый голос.

Но из моей груди вырвался только ожесточенный крик:

— Я не слушаю тебя! Я не слушаю! Тебе все всегда ясно в этой жизни! Ты одна знаешь, что хорошо, а что плохо! Ты всегда уверена в своей правоте!

Лежать стало невыносимо. Озноб тряс меня так, что зубы стучали друг о друга. Судороги в

мышцах заставляли ноги дергаться.

Я с трудом встал и огляделся. Это был какой-то бетонный тоннель, по стенам которого тянулись черные закопченные трубы.

— Кира! — позвал я.

Но мне никто не ответил. Я был один. Кира исчезла. Завела меня на самое дно ада и исчезла. Сейчас я иногда думаю — а была ли она на самом деле? Ведь я отчетливо помню только тот день, когда мы впервые встретились на дне рождении Люды. Все, что было после, больше похоже на сон, чем на явь...

Я шел по этому длинному тоннелю на свет. По мере приближения к выходу мои глаза, отвыкшие от солнца, стали болеть и слезиться. Мысли были только об одном. Хотелось сделать хоть что-нибудь, чтобы прекратился этот жуткий озноб, ломота в костях и невыносимое чувство тревоги.

— Кира! — снова заорал я.

Если бы мимо проезжал поезд — я бы, не задумываясь, бросился под него. Если бы была веревка, я бы тут же и удавился. А был бы пистолет, я приставил бы его к своему лбу и нажал курок — без тени сомнения.

Трубы ушли вниз, под землю. Круглый выход из туннеля, закрытый когда-то решеткой, сейчас зиял ее ржавыми остатками. Словно пасть умершего здесь миллионы лет назад гигантского зверя. — Кира!

Я стоял абсолютно один посреди огромного поля с высоковольтными вышками.

Не помню, как добрался до какой-то деревни. Увидел стоящий у забора мопед, огляделся вокруг... В голове крутилось только одно: доехать на этом мопеде до города, там добраться до клуба в подвале, где мы часто бывали с Кирой, и обменять его на дозу.

В тот момент я ненавидел себя сильнее, чем когда-либо в жизни. Я мечтал только об одном: чтобы по дороге меня сбил грузовик, — о передозировке. Мне не хотелось ничего, кроме смерти.

Оглядевшись вокруг, я бросился к мопеду. Сел, схватился за руль, и в ту же секунду на мою голову обрушился тяжелый удар. Я упал. Последнее, что успел сказать, увидев чье-то перекошенное от злобы лицо: «Спасибо...»

— Знаешь, Данила, — спохватился вдруг Павел. — А я тебе вот что скажу... Не было у меня никакого пари с Богом. Не было. Да, я заблуждался. Не надо было ставить Ему условий, какие-то предложения делать, просить Его, объяснять что-то. Он глухой... и слепой, этот ваш Бог, если Он вообще есть. Весь мир — это один сплошной, лишенный логики хаос случайным образом соединенных друг с другом обстоятельств.

— Ты думаешь? — сказал Данила, но эти его слова прозвучали не как вопрос, а безразлично, как ремарка.

— А я говорю о воле, — продолжал Павел. — Да, я говорю о внутренней силе человека. О том, что он должен стремиться к свободе. Должен! Вырваться из цепей этих абсурдных обстоятельств, в этом и состоит главная цель! В этом!

— Тебе кажется, что проблема в неудачном стечении обстоятельств? — переспросил Данила.

— Разумеется! — ответил Павел. — Конечно! Единицам везет, потому что их обстоятельства стекаются удачно. А большинству — нет. А чуда нет ни у кого. Только у тебя, у Избранного. И вот я что думаю, нет, даже не думаю, а чувствую, понимаю: проявить Силу, если проявить Волю, — это против Бога, против Его хаоса, где ты, каждый человек — лишь маленькая букашка. Я обречен жить как Каин?! Ну хорошо. Но бежать-то меня никто не может

заставить. И я не буду бегать. Нет! Что скверного во Тьме, если Бог таков?! Почему не встать на ту сторону?..

— А что ты знаешь о Тьме? — с сожалением спросил Данила.

— Может быть, и не знаю, — ответил Павел. — Но я знаю о Боге! Этого достаточно...

— А что ты знаешь о Боге?

— Я знаю, что Он обрек меня жить в этом мире, — Павел сверкнул глазами. — Этого достаточно. И ты еще самого главного не знаешь...

Я сидел в КПЗ, ожидая суда. Адвокат сказал, что за несостоявшуюся кражу мне дадут максимум шесть месяцев. И скорее всего, к тому моменту, когда мне вынесут приговор, эти полгода уже пройдут. Меня отпустят. А может быть, и вообще дадут условно, «если судья будет в хорошем настроении».

Бессмыслица! Чудовищная бессмыслица! От того, что я полгода проведу за решеткой, в моей жизни ничего не изменится. А по сравнению с тем, где я был последнее время, любая тюрьма — это просто санаторий. Видимость наказания за несовершенно преступление! И вот так все в этом мире — глупо и нелепо.

Тюрьма должна была стать для меня наказанием, а стала спасением, Я «переломался» и вернулся к исходной точке. Жизнь не имели ни смысла, ни перспективы. Один за другим тянулись серые, похожие друг на друга дни. Утренняя проверка, наряд на работу, девять часов в столярном цеху.

При КПЗ, где я ждал приговор, делали школьные парты. Дети получают знания, сидя за столами, которые сделали мелкие воры, мошенники и карточные шулеры. Может быть, и я сидел за такой. Поскольку это не колония, от работы можно было отказаться. Но почти никто этого не делал. Работа была единственным развлечением.

Мне повезло — я попал в изолятор, который использовали для демонстрации международным комиссиям, радеющим за права человека. Так что в нашей камере было всего четверо заключенных, а не сорок, как в обычной тюрьме. В общем, у меня было три постоянных собеседника, если можно их так назвать.

Один — водитель Жора, почтенный отец семейства. Единственный раз в жизни он выехал на желтый свет на ночной перекресток. Наперерез летела «девятка» с тремя пьяными подростками. Никто вроде не виноват. Но двое несовершеннолетних умерли в момент удара, а третий остался на всю жизнь калекой. Теперь Жора ждет суда. Могут счесть несчастным случаем, но пока вменили непредумышленное убийство. Есть в этом логика? Нет! Одно сплошное идиотское стечение обстоятельств. Бог играет в кости.

Второй — сумасшедший адепт какой-то христианской секты. Звали его Миша. Бестолковый... Украл у родителей деньги, отложенные на машину, и отнес своему «супервайзеру» (это у них что-то вроде духовного наставника). Когда родители пропажу обнаружили, попытались получить деньги назад, но им их не вернули. И вот Мишины предки не долго думая написали на сына заявление — отправили его под суд, чтобы тот «проветрил мозги». Вроде как поставили в угол.

— Только в церкви я по-настоящему нужен. Бог отдал за меня Своего Сына, понимаешь? Сына Своего отдал за мои грехи, — тихим, бредовым голосом говорил Миша.

Он все время молился и пытался проповедовать в столярном цехе. Всем надоедал, его били. Но чем сильнее били, тем сильнее он приставал, чтобы опять быть битым.

— Все апостолы страдали. Это высший дар — за веру страдать, — говорил он с гордостью, глядя на меня заплывшими от синяков глазами.

Во что с ним играл Бог, я даже представить себе не могу. В дурака, наверное.

Ну вот не глупо устроен мир? Нет? Что эти двое сделали, чтобы их в тюрьме держать? Один родился в стране, в которой нет нормальной дорожной полиции, а другой — у таких родителей, которых нужно кастрировать еще до того, как они в состояние половой зрелости войдут.

И ведь во всем так. Во всем! Глупая, дурацкая жизнь!

Третий... Про третьего — Рустама — разговор особый. Небольшого роста, крепко сбитый, с бритой головой и свернутым набок носом. Он почти не разговаривал с нами. Как-то обмолвился, что боксер. Попался за незаконное хранение оружия. Гаишники остановили машину для досмотра, а у него — пистолет. Рустама прорабатывали серьезнее всего. То и дело возили на допросы в ФСБ. Кажется, подозревали в связях с террористами.

Я начал присматриваться к нему.

С «воли» ему все время передавали запрещенные вещи. У него даже был мобильный телефон. Правда, пользовался он им очень редко. Иногда ему звонили по ночам. Говорил он тогда на неизвестном мне языке. Потом оказалось, что на татарском.

Позже я понял, что Рустам тоже ко мне присматривается. За месяц мы не сказали друг другу больше десяти слов, но я чувствовал взгляд его маленьких черных глаз.

Наконец однажды он заговорил. Хоть обращался он к другому человеку, я понял, что слова его были на самом деле адресованы мне.

— Не важно, когда и от чего умрет человек, — говорил он. — Важно, как он прожил жизнь. Все умрут. От пули или от болезней — не имеет значения. Смерть — вопрос времени, а потому убийства не существует. Ты всего лишь приближаешь неизбежное. В убийстве нет жертвы. Если человек умирает молодым, он умирает с надеждой, что впереди его ждало все лучшее. А кто из сорокалетних может похвастаться, что его юношеская вера в лучшую жизнь сбылась? За их плечами только разочарования. Если человек умирает молодым — ему повезло. Счастливый человек умирает легко, а несчастный еще легче. Первый всего достиг, второй наконец-то нашел выход. Убийства не существует...

Ночью я не мог уснуть, все думал о словах Рустама. Для тех несчастных, рядом с которыми я провел последние месяцы, смерть была бы наилучшим выходом. Она спасла бы их от страданий. Она бы положила конец их жалкому, недостойному человеку существованию.

Потом я стал думать о тех, кому «повезло». О тех, кому Бог выбросил «призовые кости». Разве они умеют радоваться своей жизни? Разве они знают ей цену? Нет, они считают, что «всего добились сами», «своим трудом», «своими мозгами». И им всегда мало!

Ни один человек теперь не помнит слова «достаточно»! Дома и машины должны быть больше, дороже, роскошнее. Женщины выше, дети умнее, жизнь длиннее! Они плачут и убиваются над своими морщинами, избытком жира, надвигающейся старостью. И страдание их по силе ничуть не меньше, чем у тех, кто заживо загнан под землю.

На следующий день я подошел к Рустаму. Он быстрыми отточенными движениями клал под пресс промазанные клеем листы фанеры.

— Убийства не существует, — произнес я как пароль.

Он некоторое время буравил меня своими маленькими глазками. Как шифр считывал. А потом спросил:

— Что надо?

— Ты ведь не просто боксер, — сказал я. — И пистолет у тебя в машине не случайно оказался, правда?

— Что надо? — повторил Рустам.

— Хочу умереть, — сказал я просто, как когда-то Олесе: «Я тебя люблю».

Так день, когда все началось, и день, когда все закончится, сошлись вместе. Рустам пожал плечами.

— Умрешь когда-нибудь... — ответил он с кривой усмешкой.

Я сглотнул. Ситуация была глупая. С чего я вообще взял, что он террорист? А если даже и так — вряд ли он станет со мной откровенничать. Вдруг я провокатор? «Утка», агент, приставленный к нему под видом заключенного.

— Извини.

У меня бешено колотилось сердце.

Больше мы не разговаривали.

— Это ты считаешь самым важным?.. — Данила удивленно выгнул брови. — Что есть еще люди, которые чужую жизнь ни в грош не ставят? Это? Но разве люди не сами обесценивают жизнь, когда говорят о ней так? Любая мысль — это идеология, а любая идеология — это инфекция. Если душа ослаблена страданием, она и заболевает. Ты можешь сказать: «Все мы скоро умрем» — и что? Думаящий о смерти забывает о жизни.

— Не это самое важное, — сухо ответил Павел.

— Или, может быть, тебя возмущает, что справедливости в мире нет? А?.. Но справедливость не мир устанавливает, а люди. И то, что родители своего сына в тюрьму отправляют, это их поступок, а не мира, И то, что пьяные подростки разбиваются на машине, это ведь тоже не случайность. Это результат человеческих отношений — как случилось, что молодой человек не ощущает, что жизнь стоит того, чтобы ее беречь?..

— Нет, и не это самое важное...

— А что тогда? — развел руками Данила. — Что Бог играет в кости? Но, Павел, приглядишься внимательно, это не Бог играет в кости, это люди играют в кости! Поставить все свое состояние на кон, проиграть, а потом винить в этом Бога — разве есть в этом логика?! Павел, ты...

— Нет, — оборвал тот.

— Ну а что тогда?

— Сейчас узнаешь...

Через три месяца состоялся суд. Мне дали полгода условно. Зачли четыре месяца, проведенные в КПЗ. Еще два мне предстояло ежедневно являться в районное отделение милиции. Отмечаться у инспектора.

Я оказался на свободе. И что?.. Огляделся по сторонам, сунул руки в карманы и... увидел маленький листочек бумаги, свернутый трубочкой.

«Если хочешь умереть, позвони по этому телефону...» И цифры.

Рустам!

Я бросился к ближайшему телефонному аппарату. Выклянчил у какой-то женщины монету. Стою в телефонной будке. Ладони вспотели. Я вытер их об джинсы. Снял трубку и... набрал номер Олеси. Совершенно случайно, сам того от себя не ожидая.

Мне ответил резкий, похожий на скрип ржавых ворот, голос ее матери:

— Алло!

Я тут же нажал на рычаг.

— Дурак... — сказал сам себе и бросил трубку.

Неожиданно захотелось увидеть Олесю. Ничего не говорить. Просто увидеть. Я обхватил руками голову.

«Неужели я все еще ее люблю?..» — эта мысль пронеслась как комета, заставив меня поежиться от внутреннего холода и тоски.

— Олеся, — прошептал я.

— Уехала она, — раздалось сзади.

У меня волосы встали дыбом. Я повернулся и увидел Киру.

— Ты?.. — я не верил своим глазам.

Откуда она узнала, что меня сегодня выпустят? И как она решилась прийти встречать меня после того, как продала мою квартиру? Я узнал об этом уже в тюрьме, когда выяснилось, что у меня больше нет прописки.

— Я, — односложно ответила Кира, затягиваясь сигаретный дымом и не глядя мне в глаза.

Она похудела настолько, что скуловые кости стали нависать над щеками. Волосы как пакля. Живой труп в грязной рваной одежде. Ощущение, что она только что с кем-то дралась, катаясь по земле.

— Чего надо? — спросил я и тут же пошел прочь.

— Встречаю вот, — ответила она, идя за мной следом. — А что, нельзя?

— Постыдилась бы хоть... — буркнул я, даже не оглянувшись.

— Ты по поводу квартиры, что ли? — безразлично спросила Кира.

— Ну хотя бы...

— А что? — Кира прибавила шаг, чтобы идти со мной вровень. — Ты же помирать собирался, а зачем мертвому квартира?

— Ладно, оставим...

— Знаешь, это не я у тебя на руках подыхала и дозу выпрашивала, — вставила Кира. — А потом, у тебя еще матери квартира есть.

— То есть пожалела меня? Заботилась обо мне? Так понимать? А с чего бы это?..

Кира забежала вперед, заставив меня остановиться. Привстала на цыпочки, чтобы заглянуть мне в глаза, и проговорила:

— Это называется «люююбооовь», — своими тощими пальцами с почерневшими от грязи ногтями она нарисовала передо мной в воздухе сердечко.

Наверное, я должен был разозлиться на нее, как когда-то на Олеся. Потому что вся эта «люююбооовь» — у них в голове, и ко мне она не имеет ровным счетом никакого отношения. Олеся изображала всепрощающую «люююбооовь», Кира несколько месяцев старательно разыгрывала бунтарку. Они просто хотят, чтобы у них «это было». И это — не любовь. Я знаю точно.

— Ты еще скажи, что стала наркоманкой, чтобы мне понравиться, — саркастически заметил я, обогнул стоящую передо мной Киру и пошел дальше.

На ходу оглянулся. Она смотрела на меня тоскливо и почти безразлично.

— Да иди ты... — крикнула она мне вслед. — Я сюда каждый день проходила. Узнавала все. Ждала. С ментом переспала, чтобы узнать, когда тебя выпустят.

Меня это разозлило. Я остановился, обернулся, увидел ее — такую грязную, тощую, мятую, словно побитую собаку.

— А я не просил меня ждать. Когда вы все уже поймете, что ваше чувство не дает вам на меня никаких прав?! Я был свободен от Олеси, и я свободен от тебя! Вы обе взяли от меня то, что хотели! И обе имели наглость утверждать, что я вам еще и что-то должен! Ну, ждала ты меня. И что мне теперь надо сделать? Поцеловать тебя? Предложить тебе руку и сердце? На коленях благодарить, что тебе хотелось со мной переспать? Меня же в ваших фантазиях, которые вы почему-то чувствами называете, просто нет! Нет меня! На меня самого вам плевать!

Кира дрожащими руками достала из кармана какой-то окурок, прикурила.

— Олеся — единственная женщина, которую я любил, — продолжал я. — Я ей верил, но даже она оказалась просто трагической актрисой, и все! Ей было проще выстроить целый мир из лжи и самооправданий, чем хотя бы посмотреть на меня! Хотя бы попытаться увидеть меня, услышать, почувствовать! Нет, ей хотелось только одного — взять и утащить меня в свой убогий маленький мирок, превратив в свою марионетку! И тебе, оказывается, хотелось того же самого! А сколько пафоса! Все эти разговоры о смерти, о мире! Убирайся вон! Слышишь — пошла вон!

Лживая... Ненавижу.

Кира слушала, не глядя на меня. Потом подняла равнодушные глаза, сделала несколько шагов мне навстречу и вдруг ехидно улыбнулась:

— Ты думаешь, что ты свободен? Ты так этом уверен? Сам все решаешь?.. — Кира скорчила презрительную мину. — Да Олеся временная была от тебя, когда ты «решил» с ней расстаться. Даже я об этом знала!

У меня словно тисками сдавило горло — не вдохнуть, не выдохнуть.

— Ты решил! — продолжала глумиться надо мной Кира. — Да что ты вообще можешь решить?! Это тебе так кажется, что ты что-то решаешь! На самом деле — Олеся хотела тебя и получила! Хотела ребенка от тебя — и получила. И даже говорить тебе ничего не стала, спрашивать ничего не стала! Просто использовала как донора, и все, привет! Ты что, и в самом деле ничего не понял? Ей же почти тридцать! Прежний любовник был женат, промурыжил ее восемь лет и бросил! Завел себе молоденькую! — Кира выпустила колечко дыма и презрительно сощурилась. — А разводиться и не собирался. И тут ты. Может, она думала даже, что влюбилась в тебя, только оставаться с тобой на вечные времена уж точно не планировала! Повернулся ей мужик, чтобы ребенка заделать, она и воспользовалась! Он «решает»!.. Дурак.

Кира зашла мелким истерическим смехом, больше похожим на клекот хищной птицы.

Я схватил ее за обе руки, которыми она театрально вертела перед моим носом, и заорал:

— Молчи!!! Слышишь ты?! Молчи!!! Ненавижу! Ненавижу тебя!!!

Мне казалось, я схожу с ума. Как она могла?! Как?! Вот так — взять, занять от меня ребенка и исчезнуть. А она исчезла. Самым натуральным образом — пропала в никуда, спряталась, скрылась — от меня и с моим ребенком. И мне до сих пор неизвестно, где они обосновались. Может быть, даже за границей. Кто знает?

Я ее разыскивал, ходил к ней домой, на работу. Все без толку. Мать Олеси меня чуть не убила, когда я появился на пороге. На прежней ее работе на меня посмотрели как на круглого придурка. Я пошел к Люде, но та дверей не отперла, а через дверь предупредила, что сдаст меня в милицию, если я не оставлю ее в покое.

Как она могла?! Я ведь ее любил... До сих пор не могу понять, насколько можно быть черствой, чтобы поступить так?!

В конце концов каким-то чудом, через наших общих школьных знакомых мне передали письмо Олеси с фотографией моего новорожденного сына.

Она писала, что по-прежнему меня любит. И дальше какой-то бред. Мол, из-за того что мы вместе не можем, а она не может жить, зная, что я рядом, она решила уехать. Просила прощения, умоляла не искать ее. Врала, конечно, — от начала и до конца. Красивое вранье. Все объяснила. Придумала какую-то муть...

«Ты — самое дорогое, что было у меня в жизни, — писала Олеся. — Наверное, тебе трудно было меня любить. Ведь я некрасивая и вообще не такая, какой бы тебе хотелось меня видеть. Я старалась измениться, но выходило только хуже. Правда, очень старалась. Видимо, не судьба, я сама виновата.

Я все время пыталась понять, как сделать так, чтобы тебе угодить. Мне не хотелось, чтобы ты страдал и мучился из-за меня. Мысль о том, что я заставляю тебя сердиться и переживать, приводила меня в ужас. Но, наверное, это со мной что-то не так. И, наверное, ты заслуживаешь лучшего. Прости меня.

У нас растет замечательный сын. Я назвала его Пашенькой. Он, мне кажется, очень похож на тебя. Хотя пока, конечно, об этом нельзя говорить. Но мне так кажется. И мне бы очень хотелось... Были небольшие трудности в родах, но все закончилось благополучно, и мы оба

быстро пошли на поправку.

Я знаю, что ты будешь рассержен, получив это письмо. И долго думала, надо ли тебе написать. Но потом узнала, что тебе известно про ребенка, и не могла не написать».

Вот такое письмо. Она всегда хотела взять надо мной верх. Всегда. И ваг теперь ей это удалось. Она пишет: «ты — это самое дорогое, что было у меня в жизни», «я сама во всем виновата», «я не могу, чтобы ты страдал из-за меня» — а на деле она просто меня поимела, и все. Украла у меня моего ребенка!

— Вот что такое «жизнь без чуда», Данила. Вот! — кричал Павел. — Я абсолютно бессилен. Я ничего не могу сделать. Я ничего не могу изменить! Это абсолютный тупик. Абсолютный!

Его губы дрожали, в глазах стояли слезы.

Данила молчал. Опустил голову и молчал.

— Знаешь... — сказал он через какое-то время. — Ты меня вызвал, чтобы я мир защищал. Что-то вроде судебного процесса — ты обвинитель, я защитник. А я не хочу мир защищать...

— Не хочешь?! Понял наконец! — вскрикнул Павел.

— Нет, не то... — замотал головой Данила. — Не то...

— Что не то? — Павел дрогнул и слегка отпрянул назад.

— Я людей буду защищать, — тихо, но с абсолютной уверенностью в голосе ответил Данила. — Людей. Какими бы они ни были, что бы они ни сделали.

— Ты хочешь оправдать... ее поступок?!

Павел запнулся на слове «ее». Хотел назвать Олесю по имени, а не выговорил.

— Нет, не ее, — ответил Данила, и по тону его голоса стало понятно, что Олеся и не нуждается в его оправданиях. — Тебя.

Павел какое-то время удивленно смотрел на Данилу, хлопал глазами и вдруг начал хохотать. Надрывно, дико, зло, страшно.

И когда я понял, что был прав от начала и до конца — и про мир этот, и про чудеса ваши, и про любовь, и про... Олесю, — я набрал *правильный* номер телефона.

— Алло? — ответила девушка.

— Здравствуйте, меня зовут Павел, мне дали этот номер...

— Подождите.

В трубке что-то щелкнуло.

— Алло, — теперь со мной говорил мужчина.

Голос был с акцентом, но я точно не понял, с каким именно.

— Меня зовут Павел, — повторил я. — Этот номер дал мне Рустам.

В ответ молчание. Потом тяжелый вздох.

— А-а... Павел... — мужчина сказал это так, будто я его старый знакомый, о котором он давно не слышал и слышать не особенно-то хотел. — Приходи... Поговорим...

— Куда? — спросил я, сжимая трубку в руке так, что пальцы побелели.

— На вокзал приходи... В четыре.

Он уточнил название вокзала.

— Где мне вас ждать?

— Гуляй, — последовал странный совет. — Я сам к тебе подойду.

Связь оборвалась.

Около четырех я вошел в огромный вестибюль вокзала. Посреди стоял нелепый памятник. Гигантская голова. По периметру — бесчисленные торговые лотки и закусовые. Я дважды

обошел вестибюль. Остановился купить сигарет. Получив пачку и сдачу, обернулся и наткнулся на парня в темной спортивной ветровке.

— Иди за мной, — тихо сказал он. — Держись сзади, в паре метров.

Я пошел.

Мы оказались на улице. Парень свернул в переулок. Подошел к машине — желтая «Волга», такси. Сел на водительское место, я открыл заднюю дверь и тоже забрался в салон.

Парень посмотрел на меня через зеркало заднего вида и сказал:

— Ну что? Прокатимся? Я кивнул.

Мы ехали молча. Центр остался позади. Машина въехала в промзону. Остановилась перед огромными бордово-ржавыми воротами.

Парень вытащил телефон, набрал номер, но ничего не сказал.

Ворота медленно открылись.

За забором оказалось огромное количество складских ангаров. Между ними оживленно сновали автопогрузчики. Мы ехали мимо. Впереди показалось двухэтажное административное здание из серого кирпича. На всех окнах белые решетки.

Мой провожатый вышел из машины. Я последовал за ним. Он нажал на звонок домофона. Висевшая над входом камера повернулась и уставилась на нас своим круглым глазом. Раздался легкий щелчок. Проводник открыл дверь, и мы вошли внутрь.

Здесь не было ничего особенного. Пустой, длинный, полутемный коридор с коричневыми дверями. Все они были заперты. Мы дошли до самого конца. Открылась последняя дверь. Рыжеволосая девушка скользнула по мне равнодушным взглядом и вышла.

— Входите, молодой человек, — раздался низкий, очень хриплый голос.

Я перешагнул через порог.

Видимо, когда-то это был кабинет директора складской базы. Стены обшиты пластиком под дерево, два стола стоят буквой «Т», старенький красный диванчик, портрет Ленина на стене, дисковые телефоны красного и белого цвета.

У окна сидел человек в инвалидной коляске. Плотный, совершенно лысый, с густыми черными бровями, очки в золотой оправе на мясистом большом носу.

Таких инвалидных колясок, как у него, я не видел никогда в жизни. Кожаное сиденье, множество кнопок на боковинах, большие колеса. Человек нажал одну из кнопок, и коляска с мягким жужжанием повернулась.

Оказалось, что у того, с кем мне предстояло разговаривать, нет обеих ног.

— Присаживайтесь, — незнакомец указал мне диван.

Я сел.

— Зовите меня Виктор Петрович, — представился безногий. — Как зовут вас и подробности вашей биографии мне известны. Время дорого, во всяком случае мое, поэтому давайте сразу перейдем к главному. Вы готовы принести к себе домой бомбу и в указанный час взорвать ее?

Он уставился на меня не мигая поверх своих очков.

— Да, — я ответил не задумываясь, словно он спрашивал у меня, буду ли я пить чай.

Виктор Петрович недоверчиво повел бровью и склонил голову.

— Ой ли? Неделю назад на вашем месте сидела девушка. Она тоже говорила, что готова. Что ненавидит всех и себя больше всех. Что хочет прекратить свое «гнилое существование», как она выражалась. Я в жизни не видел человека, который хотел бы смерти сильнее, чем она. Но когда пришел день и час, она не смогла запустить механизм. Она не смогла победить в себе животное. Животное, что живет в каждом из нас и цепляется за жизнь, какой бы бессмысленной и жалкой она ни была.

Я покачал головой:

— Для меня это не эмоция, для меня это вопрос принципа.

— И в чем принцип? — поинтересовался мой безногий «работодатель», словно это имело хоть какое-то значение.

— Принцип? — удивился я. — Принцип — это принцип Разве вы не знаете?

Виктор Петрович почему-то улыбнулся.

— То есть никакой гуманистической чепухи? — он свел свои густые черные брови. — Так?

— Именно. Никакой.

— Никого не пожалеешь?

— Никого.

— Вам позвонят.

Парень, что встретил меня у вокзала, подошел ко мне сзади и молча вывел из кабинета.

В фильмах после такой фразы — «Вам позвонят» — герой обычно произносит: «Я так и не понял — приняли меня на работу или нет». Но я не стал переспрашивать или что-то уточнять. Он видел мои глаза. Если он не дурак, он все поймет...

— Гуманистической чепухи... — глухо, словно бы в никуда произнес Данила.

— Что? — Павел вышел из глубокой задумчивости и недоуменно уставился на Данилу. — Чепухи?..

— Ты сам-то понял, о чем он тебя спросил? — Данила с какой-то невыразимой болью в глазах посмотрел на Павла.

— А о чем он спросил? — Павел даже как-то поежился от этого взгляда. — Об этом и спросил — о любви к человеку. Я после этого, знаешь, ходил каждый день по городу, смотрел на людей. Искал того праведника, ради которого можно остальных пощадить. Иногда выбирал в толпе человека и следовал за ним, пытался понять, что он из себя представляет. И чем больше присматривался к людям, тем больше убеждался — нет этих праведников. Нет! Ты вот радеешь за людей, а знаешь ты, какие поступки они совершают, когда думают, что их никто не видит?.. Я помню почти всех. Помню мужчину, который выгреб из коробочки для милостыни два червонца у слепой старухи. Мальчика помню, скинувшего в открытый канализационный люк котенка — так, ради забавы. Старуху, которая зло и намеренно ткнула палкой в живот беременную. И многих, многих, многих других. Мать помню, жестоко и молча бившую своего малыша только за то, что тот плакал. Все они были «нормальными», «простыми людьми», у которых есть дом, семья, работа! Каждого из них я приговорил к смерти и теперь жалею только об одном: что не смогу уничтожить всех! Вот о чем он спрашивал. Вот о чем.

— Хочешь, повторю? — почему-то спросил Данила.

— Что повторишь? — не понял Павел.

— Ваш разговор, — ответил Данила и тут же продолжил: — Он спрашивает: «В чем принцип?» Ты отвечаешь: «Принцип — это принцип». И он уточняет: «То есть никакой гуманистической чепухи?» И ты соглашаешься: «Да. Никакой».

— И что с того? — Павел продолжал непонимающе смотреть на Данилу. — Что с того?

— Ты спрашиваешь? — удивился тот. — Он тебя экзаменовал. Про девушку сначала рассказал, что она за себя, за свою жизнь испугалась. А потом спросил — принцип выше человека? И ты сказал — да.

— Ну?.. — неуверенно протянул Павел.

— Ты не чужие жизни, ты свою жизнь продал. Понимаешь? Свою! Ты сейчас рассмеялся, когда я сказал, что *тебя* буду защищать. Рассмеялся... А кого, Павел? Кого еще, если ты самый несчастный? Тебя нужно...

У Павла на глазах выступили слезы. Но сделал над собой усилие. Он не будет плакать. Нет.
— Есть что-то выше человека или нет? — спросил Давила, глядя Павлу в глаза. — Так есть или нет?

— Выше человека? — переспросил тот, растерявшись от переполнявшей его душу тоски.

— Да, *выше* человека... — повторил Данила.

— Но я же тебе объяснял, — Павел хотел разозлиться, но из-за возникшей вдруг неуверенности, тревоги — не получилось. — Я же говорил, что нет ничего *ниже* человека. А ты меня спрашиваешь — выше...

Павел хлопал глазами и даже начал оглядываться, не понимая, что происходит.

— Да — выше! — настаивал Данила. — Скажи мне — что?!

— Что выше человека?.. — Павел окончательно растерялся. — А что выше человека?

— Вот ты мне и скажи...

Воцарилась гробовая тишина. Павел смотрел на Данилу, Данила — на Павла. И в ней, в этой тишине, раздался странный писк. Оба инстинктивно повернули головы в сторону шкафа.

Часы на взрывателе начали контрольный отсчет — пятнадцать минут.

15:00, 14:59, 14:58, 14:57...

Виктор Петрович позвонил мне через десять дней. Позвонил в дверь. Молча въехал в квартиру, миновал коридор и остановился в комнате. Я шел следом. Сел на диван напротив своего гостя. На коленях у него лежал серо-стальной кейс. Его содержимое сейчас у меня в шкафу.

— Это бомба? — спросил я. Виктор Петрович кивнул и спросил:

— Не передумал?

— Нет.

— Тогда смотри.

Он стал объяснять мне, как работает механизм. Буднично. Словно давал инструкции по эксплуатации стиральной машины.

— Все понял? — уточнил он. — Перескажи последовательность действий.

Я повторил все, что услышал.

— Хорошо, — Виктор Петрович поставил бомбу передо мной и чуть отъехал назад. — Пакеты со взрывчаткой в подвале. Сам поднимешь. Ночью. Если передумаешь, позвони. Вопросы есть?

Я подумал и спросил:

— Почему вы мне доверяете?

Он чуть прищурился. Потом ответил:

— А почему бы, собственно, и нет? Ты хочешь того же, что и я. Зачем заставлять кого-то другого? Зачем платить деньги кому-то? Зачем брать в заложники родственников тех, кто по доброй воле не желает умирать? Когда есть такие, как ты. Готовые просто так убить себя и максимально возможное количество окружающих. Настоящий заряд не в этом чемодане. Настоящий заряд у тебя внутри. Смертельна не сама бомба, а сила ненависти, что приводит ее в действие. Твоя Сила, твоя Воля. Удачи тебе.

И он ушел, точнее — уехал на своем кресле. Я взял бумажку с телефоном, которую дал мне Рустам, поджег и бросил ее на блюдце. Некоторое время глядел, как она догорает. Словно умирал... Обратного пути не будет.

11:00, 10:59, 10:58, 10:57...

Павел показал Даниле на блюдце, стоящее на комод. В нем лежали остатки того сгоревшего листка с телефоном.

— Ты спрашиваешь, есть ли что-то выше человека? — грустно сказал Павел. — С подвохом спрашиваешь, Данила. Знаешь, что я не отвечу «нет». А что назвать? Нечего. Не знаю я, что выше человека. И что с того?.. Что?! Бог отобрал у человека Волю, Силу. Кто он теперь, этот человек? А я проявлю Волю, проявлю Силу, и если через это снизойдет Тьма, так тому и быть. Буду рад. Всадник так Всадник. Очень хорошо...

— Ты думаешь, Бог играет в кости? — Данила встал со своего стула и подошел к окну. — Нет, Бог только вкладывает их в руку человека. А дальше...

— Слушай, — прервал его Павел. — Вот мы сейчас умрем. Сейчас. Скажи мне правду, Данила. Ты ведь ненавидишь меня, да? Ненавидишь? Это тебе долг велит меня спасать. Овцу заблудшую... А так-то ведь ты не хочешь, просто у тебя роль... Да? Ну, скажи. Правду.

— Нет, не роль, — ответил Данила. — Просто ты самый несчастный.

— Да господи! — заорал Павел. — Что ты все заладил?! Несчастный! Несчастный! Это вы все несчастные! Вы! А у меня во! — и, вывернув руку, он ткнул указательным пальцем в шкаф. — У меня Сила! Моя Сила! Я самый счастливый! Я делаю то, что хочу! Я! Слышишь ты меня?! Слышишь?!

— Самый несчастный, — спокойно повторил Данила, словно и не слышал всех этих криков. — Паш, это же насколько нужно себя ненавидеть, чтобы не верить такой любви, какой тебя Олеся любила? Насколько считать себя ничтожеством, чтобы и мысли не допустить, что тебя могут любить, что ты нужен кому-то, что о тебе кто-то хочет заботиться, искренне хочет, что тебе сострадают, по-настоящему, сердцем. Как можно себя так ненавидеть, Паш?.. Вот в чем твой Ад. Твой.

— Замолчи! — кричал Павел.

08:00, 07:59, 07:58, 07:57...

Но Данила продолжал и продолжал говорить:

— «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными». Четвертый Всадник...

— Замолчи!

— Ты спрашиваешь — чего это я пришел тебя спасать? А потому что ты — человек, Паш. Понимаешь? *Человек*. А нет ничего выше человека, и не может быть. Потому что любовь — это человек, радость — это человек, красивый поступок — это тоже человек. И в каждом человеке — Свет. Понимаешь? В каждом воплощен Источник Света, весь целиком. Пусть лишь частицей, но целиком. В каждом. И в том, который запутался, и в том, что на самое дно упал, и в том, что проклинает всех и вся и Бога хулит. В каждом. И нельзя его потерять, понимаешь? Если же одну частицу Света не спасти, бросить, как же остальным быть? Как?.. Вот и будет Тьма.

— Замолчи! — кричал Павел сквозь слезы. — Я буду Сильным! Я докажу!

Он упал на пол и корчился, словно от боли, словно из него выходил этот Ад.

07:00, 06:59, 06:58, 06:57...

— Нет, Паша, нет. Не то, — тихо прошептал Данила, качая головой из стороны в сторону. — Ты пойми... Первая Печать — власть, а сильному власть не нужна. Так что это не сила, а слабость. Вторая Печать — эгоизм. А какая в нем сила? Эгоизм — это страх, как у всякого, кто сидит в своем замкнутом мирке. Это слабость. И третья Печать — зависть, тоже слабость. Где тут Сила, Паш? Где Воля? В каждой Печати слабость, а ты мне говоришь: четвертая — Сила, Воля? С чего бы, Паш?.. Слабость. Одна и только...

— Слабость?! — взревел Павел. — Ты хочешь сказать, что я — *слабый*?! — пена брызнула у него изо рта. — Я — *слабый*?! Да?! Нет!!! Не смей так говорить! Я не слабый! Я сильный! Сильный!!! Я докажу!

06:00, 05:59, 05:58, 05:57...

Павел вскочил с пола и бросился к Даниле, схватил его за ворот и сунул ему кнопку от пульта — прямо в лицо.

— Видишь это, Данила?! Видишь?! — лицо Павла исказила ужасная судорога, глаза вылезали из орбит, руки тряслись. — Все еще жалеешь меня, Данила?! Сострадаешь сирому и убогому?! Да?! Слабый я?! Четвертая Печать?! Ну и пусть! Слышишь меня?! Пусть будет потвоему! Пусть! Ты мне все про мой Ад рассказывал... Да?! Ну так и пойдём со мной! В мой Ад! Пойдём! Ты — сильный, я — слабый. И пойдём! Все вместе! Пять... Четыре... Три... Два...

4:00, 03:59, 03:58, 03:57...

— Паш, — Данила смотрел Павлу в глаза — без злобы, без страха, — ты пойми: слабость — это не отсутствие *силы*, слабость — это отсутствие *доброты* ...

Павел замер. Напряженный, как сжатая стальная пружина. В руке кнопка от адской машины. И глаза... Глаза, полные слез. Глаза, глядящие в другие глаза. Душа, глядящаяся в другую душу.

— Прости... Прости меня... — помимо воли прошептали губы,

— Паш, открой дверь. Ладно?

— Дверь? — Павел недоуменно обернулся и посмотрел в сторону коридора. — Открыть?..

— Да.

03:00, 02:59, 02:58, 02:57...

На подкашивающихся ногах Павел послушно пошел к двери. С трудом повернул щеколду замка и...

02:00, 01:59, 01:58, 01:57...

На пороге стояла красивая молодая женщина. Волосы сбились, глаза красные от слез — любящие, несчастные и бесконечно счастливые. А на руках младенец — совсем маленький, крошечный...

— Олеся...

— Это — Павлик, — прошептала она, кусая потрескавшиеся губы. — Твой сын...

01:00, 00:59, 00:58, 00:57...

Люди Гаптена ворвались в квартиру, оттеснили Павла, Олеся, влетели в комнату и бросились к взрывателю.

— Справитесь? — тихо спросил Данила, внимательно разглядывая провода.

— Еще тридцать секунд! — весело подмигнул ему один из взрывотехников. — Бездна времени!

— Справимся, конечно, — спокойно подтвердил другой.

— Простая машинка, — деловито констатировал третий. — Можете быть спокойны.

Бригада занялась разминированием.

Данила вышел в коридор.

Павел протянул к малышу руки. Олеся, улыбаясь сквозь слезы, бережно передала его отцу.

Мы с Гаптенем стояли на лестничной площадке.

И вдруг Данила ощутил спиной чей-то взгляд. Он оглянулся.

Коридор вел в маленькую кухоньку... В дверном проеме стояла пожилая женщина. Длинные с проседью волосы зачесаны назад. Ситцевое платье, поверх него вязаная кофта.

— Я Пашина мама, — тихо сказала она.

— Вы все время были здесь?! — прошептал Данила.

Она улыбнулась:

— А куда я без него, — и кивнула в сторону сына.

— Мама... — обернулся Павел, держа на руках сына. — Смотри какой...

Его лицо было озарено светом, а глаза светились любовью.
00:03, 00:02, 00:01, 00:01...

Мы вернулись в Центр Гаптена. Данила был ни жив ни мертв. Его сразу напоили горячим чаем и отправили спать. А мне не спалось, да и Андрею с Гаптенем тоже. Мы все еще не могли прийти в себя после случившегося.

Когда Данила уехал к Павлу, а мы начали постепенно понимать, что происходит и в какой опасности оказался наш друг, было принято решение действовать по разным направлениям.

Андрей остался в Центре у Гаптена и сводил всю информацию из разных источников. Сам Гаптен руководил людьми, которые вывели жителей из дома, организовали оцепление, готовились к штурму... А я поехал за Олесей.

Каждый делал то, что мог. Сложнее всего пришлось Даниле, а мне, как обычно, досталась самая простая задача.

Только теперь мы собрались все вместе, и я смог задать Андрею вопрос, который мучил меня все это время:

— Андрей, а что ты говорил о «луковке»?

— О луковке? — переспросил он, словно в первый раз слышит.

— Да, ты сказал, что Христос не к тысячам избранных приходил, как говорит Великий Инквизитор, к одному — то есть к каждому. И про сострадание. А потом вдруг — что Данила даст Павлу луковку. Так что там с луковкой? Это тоже в романе «Братья Карамазовы»?

— Ах да! — вспомнил Андрей. — Про луковку!

— Расскажи... — попросил я.

— Это история Грушеньки, — принялся объяснять Андрей. — Ее в романе все считали падшей, но она не падшей была, а просто любила.

— И?..

— И вот случается, что приходит к ней Алеша Карамазов, о котором я уже тебе рассказывал, и не осуждает ее, как другие, а наоборот — обращается к ней с добротой. И та рассказывает историю про одну женщину...

«Жила-была одна баба злющая-презлющая, и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы богу сказать. Вспомнил и говорит богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели, что ее тянут вон, стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: „Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша“. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел».

— И вот две басни в одной книге, — тихо, задумчиво прибавил Гаптен. — «Легенда о Великом Инквизиторе» и «Басня о луковке».

— И обе о добре, — улыбнулся Андрей и тут же, как обычно, пошутил: — А теперь Ан-хель напишет басню про Данилу...

— О четвертом Всаднике, — машинально добавил Гаптен. — О четвертой Печати. О слабости. Власть, эгоизм, зависть, слабость. Четыре греха, четыре беса.

— И опять, кстати, сходится! — добавил Андрей. — Четвертая Скрижаль — о доверии.

Помните? А слабость — это ведь здесь главное препятствие. Почему человек не может довериться этому миру, другому человеку, своей любви? Из-за слабости. Страшно. Ведь довериться — это что значит?.. Стать открытым. А для этого сила нужна, внутренняя. Доброта...

— Слабость — это не отсутствие *силы* , это отсутствие *доброты* , — повторил я слова, сказанные Данилой.

— Печати открывают нам Скрижали. Все точно, — сказал Гаптен. — Осталось три.

— Послушайте, а как же дальше?! — заволновался я.

— В каком смысле? — удивился Гаптен.

— Если Апокалипсис от Иоанна Богослова точен, — объяснил я. — Всадников только четыре. Остальные-то Печати без Всадников! Так как же?..

Мы трое переглянулись.

Заключительное слово от издателя

После «Золотого сечения» я решил более не писать своих коротеньких предисловий к книгам Анхеля де Куатьэ. Я был настолько поражен глубиной авторского замысла, связностью и цельностью его истории, что испугался... Да, мне стало страшно, что я не замечу каких-то важных вещей, дам неверную интерпретацию, искажу своим мнением чистоту читательского восприятия.

Но когда мы встретились, Анхель лишь рассмеялся в ответ на все мои опасения.

— Любая моя книга — это собеседник, — сказал он. — Страшно, если она окажется гласом вопиющего в пустыне. А если люди говорят о том, что они поняли и почувствовали, прочитав эти книги, разве это не истинная их цель?.. Мир разучился говорить по душам — от сердца к сердцу. Но разве искреннее общение людей, стремящихся к лучшему, чистому, светлому, — не есть подлинное счастье?

— Счастье, — согласился я.

— А значит, каждый голос ценен. Поэтому — пишите. Чувствуете необходимость — пишите обязательно. Страх — самый плохой советчик.

И когда я прочел эту книгу, я понял, что буду писать свои предисловия. Важен каждый голос. И наши голоса должны звучать.

Теперь мы знаем тайну четырех Печатей. Апокалипсис говорит еще о трех, скрывающих Книгу, но о Всадниках в нем нет больше ни слова. Так что же будет дальше?..

Издатель